АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ
РОМАН ГЛУШКОВ
КРОВАВЫЕ БЕРЕГА

Роман Анатольевич Глушков

Кровавые берега

Серия «Грань бездны», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3954365
Кровавые берега / Роман Глушков: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58422-2

Аннотация

Планета Земля. Далекое будущее…

Веками монахи-табуиты, хранители накопленных вымирающим человечеством знаний, готовились к войне против пришельцев-Вседержителей. К несчастью, кровавые распри среди самих землян погубили орден Табуитов и его научные разработки. Все, кроме одной: сверхмощной бомбы, способной разрушить глобальную сеть Столпов – исполинских генераторов, с помощью которых Вседержители медленно убивают жизнь на нашей планете. Судьба планеты в руках молодого табуита Дарио и его друга, бесшабашного Еремея Проныры – шкипера бронеката «Гольфстрим», на борту которого самый главный аргумент в грядущей битве со Вседержителями…

Содержание

Часть 1 7
Глава 1 7
Глава 2 16
Глава 3 27
Глава 4 39
Глава 5 49
Глава 6 59
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Роман Глушков
Кровавые берега

«Будущее укрыто даже от тех, кто его делает».
Анатоль Франс

«Труднее всего поджечь ад».
Станислав Ежи Лец

Простояв незыблемой твердыней несколько веков, крепость Гексатурм пала менее чем за сутки.

Ее знаменитые на всю Атлантику шесть гигантских башен не сдержали натиск армии Владычицы Льдов и, рухнув, открыли врагу путь на перевал Гибралтар. А вскоре прекратил свое существование и орден табуитов, что до сего дня охранял этот единственный проход в Средиземноморскую котловину. Она же – Червоточина: закрытая территория, где, по слухам, до сих пор таятся несметные богатства Брошенного мира. Богатства, к которым воинственные монахи-табуиты подпускали лишь тех обитателей Атлантики, кто пользовался у них исключительным доверием.

Едва первый боевой бронекат Владычицы, прорвав оборону, въехал в крепость, история человечества – или, вернее, его остатков, что еще копошились на дне высохших океанов, – вновь изменила свое течение. И, увы, не в лучшую сторону. Начиная с этого дня от табуитов в мире больше ничего не зависело. Механизированная армада южан при поддержке пехоты и конницы завоевывала Гексатурм, истребляя его бывших хозяев и не оставляя шансов уладить конфликт мирным путем.

Понять агрессора несложно. Загадочный груз, который орден ценой немалых усилий доставил месяцем ранее в крепость, поверг Владычицу Льдов в нешуточное беспокойство. Что задумали табуиты и какие сокровища они раскопали на западной границе мира? Гексатурм был единственным поселением, не покупавшим у Владычицы талый антарктический лед, поскольку у ордена имелся свой секретный источник пресной воды. И если просвещенные монахи, опираясь на технологии эпохи Чистого Пламени, вдруг научат города Атлантики добывать воду самостоятельно, королева Юга утратит над ними власть. Вот почему Гексатурм следовало незамедлительно уничтожить, пускай раньше между Владычицей и табуитами не возникало открытых распрей.

Впрочем, даже знай она о том, что орден не строит против нее козни и не угрожает коммерческой империи Владычицы, вряд ли это что-либо изменило бы. Она давно искала повод разделаться с «неудобными» хозяевами Гибралтара, и они предоставили ей такой повод. Однако главное богатство Червоточины южанам не досталось. Храм Чистого Пламени – святыня, в чьих стенах продолжал гореть огонь и работали древние электрические машины, – был взорван монахами, когда захватчики туда ворвались. Взрыв и порожденная

им буря метафламма уничтожили абсолютно все в радиусе пары километров, оставив после себя голую, безжизненную пустыню. При этом погибли не только защитники храма и орденский капитул, но и практически вся конная гвардия Владычицы – Кавалькада, штурмовавшая сокровищницу табуитов.

Генерал капитула, гранд-селадор Тамбурини, тоже пал смертью храбрых при обороне храма. Однако его восемнадцатилетний сын Дарио, а также часть обитателей Гексатурма, удравших в Червоточину прежде, чем крепость была захвачена, уцелели. Где они сегодня скрываются, мы не ведали. Но Тамбурини-младший находился на борту моего «Гольфстрима» целый и невредимый, разве что подавленный и обозленный гибелью отца. Дарио был единственный монах, которого мы – друзья ордена – спасли от разъяренных южан. И в отличие от прочих беглецов он был посвящен во многие тайны табуитов, несмотря на свой юный возраст.

Помимо Дарио, мы везли еще одну спасенную «ценность» – оружие, которое орден готовил для разрушения Столпов Вседержителей. На вид оно являло собой закупоренный кубический контейнер весом двенадцать тонн. Сорвавшись с лебедки при погрузке, в ходе которой мы яростно отбивались от гвардейцев-кабальеро, этот ящик рухнул на палубу и пробил в ней дыру. Где и застрял, словно вдавленная в бумагу кнопка. Просто счастье, что он не лопнул при падении и не выпустил наружу свое адское содержимое – вещество, грамм которого за несколько секунд распылял на атомы пятьдесят тысяч тонн иностали. Учитывая, что наш бронекат весил всего-то триста тонн, мы могли бесследно испариться вместе с храмом еще до того, как грохот разбитого контейнера бы утих. Но храму было суждено простоять еще несколько часов. А мы жили и поныне – спустя пять дней после победы Владычицы Льдов над орденом табуитов.

А вот спасать командира ее гвардейцев, дона Балтазара Риего-и-Ордаса, мы изначально не планировали. И тем не менее этот одиозный человек тоже очутился на «Гольфстриме», что не позволило команданте разделить участь почти всех своих кабальеро.

Разумеется, он стал нашим гостем не по собственной воле. В горячке боя дон Балтазар был оглушен и взят в плен одним из членов нашей команды – головорезом-северянином Убби Сандаваргом. А он не придумал ничего лучше, как втащить важного пленника на палубу и заковать его в цепи. Что повергло в ярость не только команданте, но и всех его еще живых в тот момент *compañeros*. Они немедля отправили в погоню за удирающим в Червоточину «Гольфстримом» полсотни всадников, чем, сами того не подозревая, сохранили жизнь этим своим братьям по оружию.

Их отряд – все, что осталось сегодня от Кавалькады, – продолжал преследовать нас, словно стая гиен – отбившуюся от стада антилопу. Просто напасть на бронекат-истребитель кабальеро не могли. Они боялись наших баллестирад и роторной катапульты-сепиллы, что перебили бы нападавших до того, как те приблизились к «Гольфстриму». Остановить же иначе колесную махину у них недоставало средств. Все, что делали всадники, это преследовали бронекат на расстоянии, выжидая, когда им представится удобный момент для атаки.

Пока же фортуна улыбалась не гонителям, а гонимым. Она ограждала «Гольфстрим» от поломок и аварий. Также нам удавалось всякий раз находить посреди открытой всем ветрам хамады удобное место для ночлега. Такое, куда гвардейцы не могли подобраться незаметно даже под покровом темноты. Местность, по которой мы двигались, была мне незнакома. Нарисованная Дарио по памяти карта юго-восточной части Средиземноморья являлась слабым подспорьем. Армия Владычицы перекрыла Гибралтар, отрезав нас от родной Атлантики. И теперь мы знали только один путь, позволяющий нам выбраться отсюда. Пролегал он там, где бронекаты адмирала Дирбонта не могли загнать нас в ловушку, и где, по словам Тамбурини-младшего, орден проторил себе дорогу на юг, к антарктическим льдам.

Суэцкий проход – каменный коридор длиной около ста семидесяти километров… Главной трудностью при его преодолении была не его узость, а глубина. Дно этого желоба располагалось гораздо выше дна Червоточины. На том уровне, где воздух довольно разрежен, хотя и не настолько, чтобы убить нас. По крайней мере опыт монахов, возивших по Суэцкому проходу воду из Антарктики в Гексатурм, позволял надеяться, что и мы выдержим это испытание.

И это было лишь первое испытание, какое ожидало нас в диких землях, лежащих к востоку от Африканского плато, на западном краю обширной и неизведанной Индианы…

Часть 1
Последние из Кавалькады

Глава 1

– Наверное, надо поблагодарить Вседержителей за то, что они не захватили Землю лет на сто или двести раньше, – заметил Дарио. Он стоял рядом со мной в шкиперской рубке и глядел на маячившие прямо по курсу ворота Суэцкого прохода, начинающегося в порту древнего города Порт-Саида. – Углубление канала с тридцати пяти до пятидесяти метров завершилось за полвека до года Всемирного Затмения. А до тридцати пяти метров канал углубили столетием раньше, чтобы им могли пользоваться супертанкеры. До этого, чтобы не скрести брюхом по дну, им нужно было сначала переливать часть нефти в другие танкеры и только потом входить в канал. А затем закачивать это топливо обратно. Сколько лишней, дурацкой работы, правда? Но чего не сделаешь ради того, чтобы не огибать Африку!..

Порой болтовня всезнайки Тамбурини (после смерти Тамбурини-старшего мы избавили его сына от фамильной приставки «младший») меня раздражала, и тогда я вежливо просил его помолчать. Но не сегодня. Разговаривая с нами, Дарио пусть ненадолго, но отвлекался от терзающих его мрачных мыслей. Это шло ему на пользу и помогало быстрее смириться с утратой отца.

Остальные члены команды также в общении с парнем проявляли тактичность. Это было нелегко, ведь каждый из нас пребывал на нервах и мог сорваться в любой момент. Кроме, разве что, Сандаварга. Его нынешнее положение дел вполне устраивало. Заштопав свои раны и оклемавшись после боя с Кавалькадой, Убби ждет не дождется, когда ему вновь представится возможность подраться. Он подолгу взирал на преследующий нас отряд гвардейцев и вызывался добровольцем на все ночные вахты, надеясь, что наконец-то враги точно отважатся на нас напасть.

Я тоже чуял, что ждать нам осталось недолго. Только в отличие от северянина вовсе этому не радовался. Кабальеро пустились в погоню не с пустыми руками, но их запасы воды в любом случае иссякнут раньше наших. А где еще в этих краях противник может наполнить свои бурдюки, кроме как из резервуара «Гольфстрима»? Конечно, демерарские рапидо – лошади феноменально выносливые и неприхотливые, но и им не обойтись без питья. Особенно при многодневной скачке по выжженной солнцем хамаде.

Перед нами угроза гибели от жажды в ближайшее время не стояла. Во-первых, наш водяной резервуар был залит доверху всего полмесяца назад, а его емкости хватало, чтобы поить команду из десятерых человек в течение трех месяцев. Нас, включая нашего четвероногого товарища, говорящего варана-броненосца Физза, и пленника, находилось на борту семеро. На сегодняшний день запасы воды на «Гольфстриме» уменьшились процентов на пятнадцать (с учетом того, что недавно с нами путешествовали еще пять монахов, которые затем бросили нас и рванули на помощь воюющим братьям).

Во-вторых, сунувшись в Суэцкий проход, мы въезжали на гидромагистраль табуитов – секретную дорогу, по которой они доставляли воду в обход атлантических кордонов Владычицы. И где-то по этой гидромагистрали двигался сейчас полным ходом танкер «Геолог Владимир Ларин». Его экипаж еще не знал о падении Гексатурма и гибели ордена и, как обычно, вез на север шесть тысяч тонн антарктической воды. Сойти с накатанного маршрута эта махина не могла. Так что в скором времени у нас с ней ожидалась встреча, жаль только, безрадостная.

Последние двенадцать часов мы преодолевали подъем. Он походил на тот, что вел к Гибралтарскому перевалу, только этот уводил нас выше – фактически на край Африканского плато. Дышалось здесь уже тяжело, и ощущения от этого были не самые приятные. Долорес Малабоните – моей жене и нашему впередсмотрящему – пришлось даже спуститься с марсовой мачты. Сидеть на ней при долгой езде в гору и так не доставляло радости. А если вдобавок к этому наблюдателя мучили тошнота и головокружение, оставаться на марсе было еще и опасно. Впрочем, у нас имелся кое-какой опыт работы на подобной высоте. К тому же мы не планировали здесь задерживаться. Развив по Суэцкому желобу скорость, через сутки «Гольфстрим» выберется из него и спустится на Змеиный карниз – дорогу, проложенную по дну бывшего Красного моря, вдоль края глубокого тектонического разлома. Там мы снова задышим полной грудью, ну а пока придется стиснуть зубы, взять себя в руки и немного потерпеть.

Северные Суэцкие ворота были сделаны из экзотического материала – древнего рукотворного камня железобетона. Нынче такими строительными технологиями нигде не пользуются. Почему? Да все по той же причине: для производства цемента необходим огонь – стихия, которая давно переродилась в метафламм и полностью вышла из-под контроля человека. А без цемента не создашь раствор, который застынет и превратится в подобный монумент…

При взгляде с бывшего морского дна бетонные молы, пирсы и укрепления Порт-Саида напоминали крепостные стены. Они были сплошь покрыты трещинами, сколами, а местами выкрашивались большими язвами, ничем не отличаясь в этом плане от обычных скал. Дальше мы наверняка наткнемся на осыпи, но высота берегов канала была не настолько большой, чтобы их обвалы перекрыли желоб поперек. И раз уж по нему проезжал танкер, стало быть, проедем и мы…

– *Mio Sol!* – окликнула меня Малабонита. Спустившись с мачты, она продолжала нести дозорную вахту, устроившись на крыше шкиперской рубки. – Глянь назад, *Mio Sol!* К нам – парламентеры!

– Сфистать фсех на палупу! Фрах на хорисонте! Херьмо! Орутия х пою, мать фашу! – немедля встрепенулся сидящий рядом с Долорес Физз, облюбовавший эту крышу на полвека раньше своей соседки. Здесь лежебока-ящер днями грелся на солнцепеке и заряжался солнечным светом, дабы ночью радовать нас сиянием своей фосфоресцирующей чешуи.

Я оглянулся. Действительно, в рядах врагов произошла перемена. Они по-прежнему держались от нас на безопасной дистанции, но несколько гвардейцев отделились от отряда и, пришпорив коней, настигали бронекат, неспособный тягаться в скорости с галопирующими рапидо. Однако это не напоминало атаку, на какую могли дерзнуть самые отчаянные из кабальеро. Их было всего трое, и один из них вздымал над головой флаг. Но не с гербом Владычицы Льдов – синим щитом, перечеркнутым белой волнистой линией, – а одноцветный белый. За счет чего и становилось очевидно: преследователи и впрямь вызывают нас на переговоры.

Известие о парламентерах быстро разлетелось по «Гольфстриму». Спустя полминуты вся команда собралась на мостике и разглядывала скачущих под белым флагом всадников. Прикованный к борту дон Риего-и-Ордас не мог присоединиться к нам, но он вышел из полудремы и, гремя цепями, поднялся на ноги.

Просидев пять дней в кандалах, он подрастерял свой аристократический вид: осунулся, растрепался и оброс щетиной. Но как бы то ни было, его взор все еще был исполнен надменностью. Дон Балтазар ненавидел и презирал нас с тех самых пор, как приговорил нашу компанию к смерти у отрогов Срединного хребта. И пленение нами команданте уж точно не добавило ему любви к такому отродью, как мы.

– Загрызи меня пес, если южане не хотят справиться о здоровье своего драгоценного дона! – пророкотал Сандаварг, победоносно задрав нос. Он не схватился за брата Ярнклота – свой пудовый кистень, поскольку был уверен: это не провокация, а действительно призыв к переговорам. Ведь стоит нам заподозрить неладное, и в следующий миг эту троицу накроет град стрел, о чем кабальеро были осведомлены не хуже нас.

– И как ты намерен поступить с доном Балтазаром? – осведомился я. Пленник по праву принадлежал одному Убби, и только тот мог решить его дальнейшую судьбу. Но какие планы зрели в рыжеволосой голове северянина, он нам пока не сообщил. И вот теперь настал подходящий момент это обсудить.

– Хороший вопрос, Проныра, – отозвался Сандаварг, оглянувшись и смерив свою добычу оценивающим взглядом. – Проще, конечно, вышибить ему мозги, и дело с концом. Но ты ведь понимаешь: я не опущусь до убийства безоружного врага. А тем более если он – величайший из врагов, с какими я сталкивался в жизни!

– Тоже мне проблема! Давай позволим дону Балтазару защищаться: снимем с него кандалы и вручим ему саблю, – предложил я. – Пять дней назад ты его победил, победишь и сегодня. Да он и сам не откажется от попытки взять у тебя реванш.

Присутствие на «Гольфстриме» командира южной гвардии, даром что закованного в цепи, нервировало меня с той самой минуты, когда он очутился у нас на борту. И потому я бы не возражал, вздумай Убби избавить нас от этой потенциальной угрозы. Впрочем, зная нрав нашего краснокожего товарища и традиции его народа, Сандаварг мог сделать это лишь одним способом. Вернее, двумя. Но вряд ли у кабальеро наберется столько денег, чтобы выкупить у похитителя столь высокородного заложника.

– Правильные слова ты говоришь, Проныра. Однако ничего из этого не выйдет, – нахмурившись, отверг мою идею Убби. – Кабальеро так же, как северяне, дерутся в поединках чести только своим боевым оружием. А шпагу дона я, к сожалению, с собой не прихватил. Сам знаешь, не до трофеев тогда было. Любой клинок, какой мы дадим этому южанину, он возьмет в руки лишь при одном условии: если ему представится случай перерезать глотки спящим врагам. Такое ни у кабальеро, ни у северян не возбраняется. Но поединок чести – есть поединок чести, и этим все сказано.

– Извините, что перебиваю вас, мсье! Но если вы намерены побеседовать с парламентерами, не лучше ли сделать это прежде, чем мы въедем в Порт-Саид? – подал голос Гуго де Бодье, наш толстяк-механик и самый благовоспитанный член команды. – Я не настаиваю, а просто напоминаю. Задумай гвардейцы недоброе, в желобе у нас будет гораздо меньше пространства для стрельбы и маневров.

– Вы совершенно правы, *mon ami*, – согласился я. – Пока мы ничем не рискуем, надо выяснить, какие требования кабальеро нам предъявят… Стоп колеса, мсье де Бодье! Убби, Долорес и Дарио – к баллестирадам! Физз! Знаю, как ты ненавидишь Кавалькаду, но все же прошу, будь любезен, не перебивай шкипера во время переговоров, хорошо?..

Через минуту после того, как я раздал приказы, «Гольфстрим» замер на месте, не доехав до Порт-Саида считаные километры. Трое всадников сразу же перевели коней с галопа на рысь, дабы не нервировать нас, приближаясь к нам на полном скаку. Сам отряд тем временем последовал нашему примеру и тоже прекратил движение, оставшись на недосягаемом для баллестирад расстоянии.

Спустя еще минуту парламентеры догнали «Гольфстрим» и, не опуская флаг, выстроились в ряд так, чтобы я мог видеть и слышать их с мостика.

Мы и кабальеро не испытывали друг к другу почтения, и соблюдать церемонности нам не имело смысла. Единственная уступка, какую мы оказали врагу – согласились его выслушать. На что он в свою очередь обязался не провоцировать нас нарушать парламентерские принципы.

– Эй, вы, на бронекате! Нам необходимо видеть вашего капитана! – не тратя время на ненужное приветствие, обратился к нам один из переговорщиков, по всей видимости, капрал или младший офицер.

– Я – шкипер! – внес я уточнение и махнул рукой, привлекая к себе внимание. – Чем обязан?

– Мы желаем знать, жив ли находящийся у вас на борту полномочный посланник Владычицы Льдов, дон Балтазар Риего-и-Ордас! – потребовал кабальеро. – И если он жив, мы просим дать нам возможность поговорить!

Команданте отлично слышал все, что долетало до него снаружи. Но он, сохраняя достоинство, не стал встревать в переговоры без спроса, а, прислонившись к борту, молча посматривал то на меня, то на северянина.

– Что скажешь, Убби? – переадресовал я вопрос стоящему у баллестирады Сандаваргу. Лично я был не прочь послушать, о чем гвардейцы намерены толковать с нашим пленником, но у его хозяина могло иметься на сей счет иное мнение.

– Ладно, пускай болтают, раз уж испортили ради этого простыню и не побоялись размахивать ею у меня перед носом, – ответил крепыш-коротыш. – Только не с глазу на глаз, а так, чтобы мы слышали каждое их слово!

Я повернулся к буравящему меня взглядом дону Балтазару и подал ему знак, что мы не возражаем.

– Это ты, Анхель? – крикнул команданте, повернувшись к ближайшей открытой бойнице. Подойти к ней пленнику мешали цепи, поэтому ему пришлось общаться с гвардейцами, не показываясь им на глаза.

– Так точно, сеньор, это я! – откликнулся узнанный доном по голосу кабальеро. – Хвала ангелам, вы живы! *Compañeros* очень обрадуются, когда я принесу им благую весть! Как ваши дела? Эти э-э-э… люди с вами хорошо обращаются?

– Кроме того, что я нахожусь здесь, а вы – снаружи, в остальном у меня все в порядке, спасибо. – Дон Риего-и-Ордас еще не потерял присутствие духа и даже позволял себе иронизировать. – Эти… люди держат себя в рамках приличия, что, безусловно, зачтется им в будущем. Лучше расскажи, что там у вас. Я так понимаю, ты привез новости, которые мне сильно не понравятся.

– Вы абсолютно правы, сеньор… – Голос обрадовавшегося встрече Анхеля вмиг помрачнел и зазвучал тише. – Новости очень плохие. Наверное, вы тоже видели черный всполох, который устроили табуиты, раз предполагаете худшее. И это действительно так, сеньор. Все настолько печально, что я даже не знаю, как вам об этом сообщить…

– Говори без утайки все, что тебе известно! – приказал командир гвардейцев. – Команда этого истребителя раньше нас прознала о том, что планируют монахи, и тебе не скрыть от нее правду. А иначе почему, по-твоему, эти люди рванули из храма задолго до того, как мы его захватили?

– Ваша воля, сеньор! Как вам угодно!.. В общем, выжили лишь пятьдесят три *compañeros,* включая вас. Это точные сведения. Сразу же после вспышки «би-джи» мы отрядили гонца, капрала Бласко. Он вернулся к стеклянному храму, выяснил, что там стряслось, и нагнал нас по нашим следам спустя трое суток. Как мы и опасались, на месте храма не осталось никого и ничего. Ни единой живой души, ни единого трупа, ни даже руин. Лишь залитое кровавой слизью крошево. Огромное пустое пространство, на котором были растерзаны в пыль сотни человек и лошадей. Бласко сказал, земля там на полметра пропитана кровью, и едва он спешился, как его сапоги утонули в кровавой грязи. Жуткое зрелище, сеньор. Даже поле битвы выглядит лучше, потому что нормальным останкам еще можно оказать последние почести. А какие почести прикажете оказывать кровавому месиву, да еще такой величины?

– Помимо наших братьев и табуитов еще кто-нибудь пострадал? – спросил команданте, понурив голову. Услышанное не стало для него откровением, ведь он догадался о гибели Кавалькады, едва увидев черный всполох. Но даже будучи готовым к трагическому известию, дон Балтазар не сумел воспринять его с бесстрастным лицом.

– Нет, сеньор, больше там никто не погиб, – уточнил парламентер. – Бронекаты адмирала Дирбонта добрались до храма намного позже, где-то за полчаса до капрала Бласко. Но теперь искать в тех местах совершенно нечего. Адмирал приказал возвести на том месте погребальный курган и оставил неподалеку оттуда для нас тайник с припасами. А потом возвратился в крепость разгребать бардак и писать доклад Владычице. Не сегодня завтра она получит его с голубиной почтой, но пока в столице еще ни о чем не знают.

– Много ли у вас воды? – вновь поинтересовался у Анхеля дон Риего-и-Ордас.

– Пока не бедствуем, сеньор. Но, как бы все ни обернулось, мы не вернемся назад, не вызволив вас из плена!

– Не вздумайте подвергать себя такому риску, лейтенант! – запротестовал команданте. – Я не допущу, чтобы из-за меня вы погибли в этих безводных землях от жажды! Спасайте не меня – я получаю достаточно воды, чтобы не умереть. Спасайте себя! Не забывайте, что вы – последние из Кавалькады! Пока вы живы, жива и она! Но если вас не станет, Атлантика лишится единственной силы, которая поддерживала в ней мир, закон и порядок!

– Погодите, сеньор, я вам еще не обо всем доложил! – поспешил объясниться Анхель, пока дон Балтазар не отдал ему официальный приказ о возвращении в Гексатурм. – С водой у нас не так плохо, как вы думаете! Позавчера ночью наш дозор наткнулся на стоянку беглых монахов. Это были несколько женщин и детей, сбежавших на лошадях из Гексатурма. Никакого сопротивления они не оказали, и мы схватили их, почти не прибегая к насилию. Нам показалось любопытным, что беженцы удрали так далеко от крепости. Это могло означать лишь одно: поблизости у них есть убежище с большим запасом воды, которую мы могли бы реквизировать. Однако, припугнув их, мы выяснили кое-что более интересное. Оказывается, сеньор, эта группа пробиралась в некий Суэцкий проход. А по нему она планировала идти навстречу танкеру, который возит ордену воду вдоль восточного склона Африканского плато! И танкер этот якобы в настоящее время едет на север и через неделю достигнет Червоточины…

– Хватит! Больше ни слова! – перебил докладчика команданте. – Можешь ничего не объяснять, я все понял!.. Что ж, раз вы уверены в правдивости этих сведений и в своих силах, значит, дерзайте! Ну а я буду молиться за вас, чтобы вам улыбнулась удача!

– Что вы сделали с теми несчастными монахами, выродки?! – вскричал Дарио, удерживая парламентеров на прицеле баллестирады. – Вы их тоже убили? Убили или нет?! Немедленно отвечайте!

– Успокойся, *muchacho!* Незачем так волноваться! – подняв руку, попросил Анхель. Он и его спутники балансировали сейчас на волосок от смерти, хотя и сохраняли невозмутимый вид. – Никто из тех табуитов не пострадал. Возможно, мы были с ними немного грубы, но кабальеро не проливают без крайней нужды кровь стариков, женщин и детей! Допросив беженцев, мы забрали у них лишнюю воду, а им оставили ровно столько, чтобы они могли вернуться обратно в Гексатурм. Вы ведь еще не в курсе: адмирал Дирбонт, исполняя волю королевы Юга, объявил амнистию всем женщинам и детям, состоявшим в ордене. По возвращении в крепость им не предъявят обвинений и предложат переселиться в любой из городов Атлантики. Как раз сейчас капитаны бронекатов Дирбонта разбрасывают в Червоточине листовки с этим воззванием. Так что, надеюсь, вскоре многие твои братья и сестры последуют нашему благому совету и перестанут скрываться.

– Как думаете, шкипер Проныра, эти ублюдки говорят правду? – не оборачиваясь, осведомился у меня Тамбурини.

– Полагаю, что да, молодой человек, – опередил меня с ответом высунувшийся из моторного отсека Гуго де Бодье. Как бывший сенатор, он лучше разбирался в политике, знал нравы южан и мог предугадать их действия после захвата Гексатурма. – Владычица Льдов редко отказывается от милосердия, если при этом оно ей ничего не стоит. Убив всех табуитов до единого, она ничего не выиграет. А вот амнистия женщинам и детям, наоборот, смягчит в глазах обитателей Атлантики ту жестокость, какую творила здесь королева Юга. Пересуды о детском геноциде ей абсолютно ни к чему, можешь быть уверен. Честно говоря, я почти не сомневался, что вскоре она именно так и поступит.

– Мсье Сенатор наверняка прав, – поддержал я Гуго. – Не знаю, как насчет выживших монахов-мужчин, но ваших женщин и детей южане на эшафот не отправят. По крайней мере раньше я за ними такой кровожадности не наблюдал. – И, повернувшись к пленнику, обратился к нему: – Дон Балтазар! По-моему, вы и ваши люди достаточно наговорились! Так что, если у них нет к нам деловых предложений, я объявляю переговоры закрытыми!

– Вы отлично знаете, шкипер, что моим *compañeros* нечего предложить вам в качестве выкупа. Они хотели лишь узнать, жив я или нет, – пожав плечами, ответил команданте. – В любом случае благодарю вас за эту уступку. Я бы на вашем месте вряд ли проявил к своим пленникам подобную учтивость.

М-да… Я невесело хмыкнул. Какой все-таки парадоксальный человек этот главный судья и палач Атлантики! Вынесенный им мне и моей команде смертный приговор даже с натяжкой не назовешь справедливым. Но в обычной беседе с доном Риего-и-Ордасом он частенько обезоруживал нас честностью и самокритичностью. И всякий раз это сбивало с толку. Вы ждали от команданте беспристрастного суда, а он приказал казнить вас безо всяких разбирательств. И, напротив, он был с вами откровенен, когда ему, по всем признакам, следовало всячески лгать и выкручиваться… Малоприятный и непредсказуемый, но в то же время любопытный тип личности, с каким я еще не сталкивался.

У парламентеров, разумеется, и в мыслях не было благодарить нас за нашу любезность. Заверив напоследок дона Балтазара, что они не оставят его одного, лейтенант Анхель и его спутники пришпорили коней и помчались обратно к отряду. А пленник, не сказав больше ни слова, опять уселся, прислонившись спиной к борту, и расслабленно прикрыл веки. Однако было непохоже, что команданте решил вздремнуть. Скорее всего он хотел отрешиться от реальности и обдумать все, о чем поведали ему кабальеро.

Нам тоже было что обсудить после этих коротких, но небесполезных переговоров. И как только гвардейская делегация удалилась, моя команда вновь собралась на мостике.

– Так, значит, этим *hijos de putas* тоже известно о «Геологе Ларине»! – бросила в сердцах Малабонита. – Хотя они все равно догадались бы о его существовании, когда увидели накатанную вдоль Африканского плато дорогу… Но с чего вдруг гвардейцы решили, будто у них хватит сил захватить танкер? Не слишком ли они самоуверенны? Танкер, конечно, не истребитель и не имеет мощного вооружения, но оно ему и не нужно. Если водовоз займет оборону, с его высоченными бортами и легкими орудиями он превратится в настоящий бастион. И его уже не захватить без бронекатов-дальнобоев, которые Кавалькаде в тех краях взять попросту негде.

– Все это лишь теория, Моя Радость, – возразил я. – Гвардейцам прекрасно известны все сильные и слабые места танкеров, вдобавок они используют свой главный козырь – фактор внезапности. Команда «Геолога Ларина» не знает, что на него охотится Кавалькада. И если кабальеро устроят ему грамотную засаду, может статься, им и впрямь улыбнется удача.

– В Суэцком проходе и на Змеином карнизе полно удобных мест для такой засады, – добавил Дарио. – Как бы мы ни спешили, нам не опередить демерарских рапидо и не успеть предупредить экипаж танкера об опасности. Разве только мы въедем в желоб, дождемся,

когда Кавалькада пойдет на обгон, и дадим ей бой. Проход довольно узок, и всадникам так или иначе придется обходить «Гольфстрим» с флангов на близком расстоянии. Сколько гвардейцев погибнет, прежде чем они прорвутся и ускачут от нас, мы не знаем. Но чем меньше их останется, тем у «Геолога Ларина» будет больше шансов от них отбиться.

– Загрызи меня пес, отлично сказано, парень! Вот это мне по душе! – воспрянул духом давно рвущийся в драку Убби. – Честно говоря, не ожидал от тебя такого! Даже обидно, что не я заикнулся об этом первым!

Я тоже посмотрел на сына покойного гранд-селадора с удивлением. Только уже без одобрения, а с настороженностью. Когда полмесяца назад он ступил на палубу «Гольфстрима», это был пусть не в меру начитанный, но вполне обычный юноша, которому еще недоставало жизненного опыта. Но зудящая в нем тяга к приключениям и дальним странствиям вкупе с трудолюбием позволяли надеяться, что со временем он этот опыт получит. А я пообещал тогда Тамбурини-старшему, что прослежу за тем, как будет протекать возмужание Тамбурини-младшего за пределами Гексатурма и храма Чистого Пламени.

Однако судьба распорядилась иначе. Вместо того чтобы проявить к парню снисхождение, она поставила ему подножку и шарахнула его лицом о твердокаменную реальность взрослой жизни. В одночасье привычный мир Дарио рухнул до основания, а его отец скончался от ран у него на руках. И вот спустя без малого неделю я глядел на него и не мог поверить собственным глазам. Такое впечатление, будто за минувшие дни он экстерном прожил все те годы, за какие ему предстояло изжить из себя юношеский романтизм и окончательно повзрослеть. Он больше не засыпал меня своими наивными умозаключениями и нелепыми теориями. Теперь Дарио взвешивал каждое слово и высказывался в основном по существу. Быстрое возмужание Тамбурини избавляло нас от обязанностей его опекунов и воспитателей, вот только стоило ли этому радоваться? У взросления, как у всякого природного процесса, есть своя естественная скорость. И ее превышение, а тем паче многократное, вряд ли доведет человека до добра.

Но как бы то ни было, сейчас молодой табуит выдвинул здравую мысль. Действительно, идея прижать к стенам желоба и расстрелять десяток-другой кабальеро и впрямь прозвучала бы куда естественнее из уст Сандаварга. Но я не стал отвергать этот план лишь потому, что его автору было всего восемнадцать лет. Тем более что даже Убби с воодушевлением его поддержал.

– Ладно, – подытожил я, – раз нас опять загоняют в безвыходное положение, значит, будем сопротивляться. Это в Гексатурме сегодня объявлена амнистия, а наша война с Владычицей еще не окончена… Убби и Дарио! Спускайтесь на орудийную палубу и готовьте к бою «Сембрадоры». Долорес! Ты останешься наверху, при «Эстантах», и не будешь давать гвардейцам передышки, пока главные орудия перезаряжаются. Мсье Сенатор! Полный вперед, и, пожалуйста, постарайтесь не отвлекаться. Когда начнется стрельба, мне придется быстро маневрировать, дабы задержать противника на обгоне, так что глядите, не проморгайте нужную команду…

Во время суматошного бегства из храма Чистого Пламени мы так и не нашли дорогу, по которой «Геолог Ларин» добирался туда от Суэцкого прохода. Гвардейский отряд тоже не обнаружил таковую. Но по законам геометрии путям танкера и «Гольфстрима» предстояло рано или поздно пересечься. Что и случилось практически на последнем километре нашего подъема.

Широкая колея водовоза была едва различима на поверхности хамады. Он проезжал тут всего четыре раза в год, и его следы успевало замести песком, сдуваемым ветрами с Африканского плато. Но я и кабальеро без труда определили наметанным глазом, что мы глядим именно на следы танкера, а не на последствия избороздившей склоны эрозии.

Танкерный маршрут был проложен намного южнее нашего, поэтому они и пересеклись лишь у самого Порт-Саида. Однако поверх старых, сокрытых под слоем песка отпечатков «Геолога Ларина» неожиданно обнаружились еще одни: мелкие и, главное, свежие! Они были оставлены максимум двенадцать часов назад, что Малабонита определила, даже не покидая наблюдательный пост.

– Еще один след, *Mio Sol!* – свесившись с крыши рубки, известила меня Долорес. – Не танкерный. Колеса в полтора раза шире стандартных, протектор усиленный, типа «лесенка», но колея у´же нашей. Кто это, по-твоему, мог быть?

– Явно не южане. – Я помотал головой. – Судя по всему, здесь прошел строймастер. Но зачем Дирбонту отправлять в другой конец Червоточины инженерный бронекат? Для дальней разведки у адмирала хватает боевых машин. Лично у меня есть только одна догадка. Помнишь «Зигфрид» – бронекат табуитов, что встречал нас на въезде в Гексатурм, когда мы впервые туда прибыли?

– Тот самый строймастер, который потом чудом вырвался из крепости, когда она была почти захвачена?

– Он самый. Могу поспорить, что это «Зигфрид» въехал сегодня на рассвете в Суэцкий проход. Не знаю, кто теперь управляет этой машиной – альт-селадор Рубнер или кто-то другой. Одно скажу точно: они тоже двигаются навстречу нашему танкеру.

– Но Рубнер, или этот кто-то, не в курсе, что к «Геологу Ларину» мчится Кавалькада. И они тоже не предупредят команду танкера об опасности! *Caramba!* Опять весь мир против нас! Да когда же кончится эта полоса невезения!

– Ничего не попишешь, Моя Радость! Когда кончится, тогда кончится, и никак не раньше… Но даже если бы на «Зигфриде» знали о кабальеро, это все равно ничего не решило бы. Строймастер опережает нас на двенадцать часов, но мы догоним его еще до того, как желоб кончится. Вот только Кавалькада настигнет «Зигфрид» еще раньше! И тогда Рубнеру несдобровать, ведь на строймастере нет бортовых орудий: ни тяжелых, ни легких. А бульдозерным ножом, подъемным краном и экскаваторным ковшом от гвардейцев не отобьешься. У монахов, конечно, есть при себе мечи и арбалеты, но разве это контраргумент в споре с кабальеро? Правда, на строймастере верхняя палуба крытая, что даст табуитам хоть какое-то преимущество. И все же уповать на одну лишь броню без орудий – гиблое дело…

Глядя на причалы и пирсы Порт-Саида, я решил, что сам проход тоже окажется закованным в бетон так же, как набережная. Я ошибся. Чем дальше мы отъезжали по желобу от набережной, тем все больше он превращался в обычный каменистый ров. Он был прям как стрела и ориентирован строго на юг. Прежде в канале, если верить Дарио, крупнотоннажные суда расходились на встречных курсах лишь в специально оборудованных для этого местах. Правило это осталось в силе и поныне. Ширина канального дна позволяла разъехаться двум бронекатам типа истребителя, строймастера или дальнобоя. Но водовозы грузоподъемностью более тысячи тонн были способны разминуться лишь там, где русло раздваивалось на параллельные проходы, а затем вновь сливалось воедино. Вернее, способны лишь гипотетически. В действительности сегодня таких мест уже не осталось. Примерно раз в десять лет табуиты посылали сюда трудовую экспедицию для очистки гидромагистрали, но они никогда не разгребали завалы во вспомогательных желобах. Зачем? Вероятность того, что «Геолог Ларин» столкнется здесь с другими танкерами, была мизерной. По крайней мере, пока орден табуитов удерживал Гибралтарский перевал.

Легкая эйфория от того, что мы забрались на вершину Африканского плато, была омрачена нашим неважным самочувствием. Умник Тамбурини сказал, что этот недуг называется «горной болезнью» или высотной гипоксией. Но как ты ее ни назови, легче нам от этого не становилось. Головная боль, шум в ушах, лихорадочная потливость, одышка, усталость,

тошнота и отвращение к пище… Все мы в той или иной степени ощущали подобные симптомы.

Больше всего я беспокоился о де Бодье – самом пожилом и грузном из всех нас, оттого и страдающем сильнее остальных. Но заменить его в моторном отсеке было некем. При всем моем уважении к почтенному механику, приходилось заставлять его сносить мученья без скидок на возраст.

Еще я волновался о нашем грузе. Контейнер торчал из дыры в пробитой им палубе и был доверху наполнен уничтожающей иносталь черной субстанцией. То, что в нем не обнаружилось протечек, не гарантировало, что они не появятся, когда атмосферное давление упадет. А оно понижалось все время, пока мы взбирались на плато. И здесь, на пиковой высоте, для нас настал момент истины. Либо давление внутри контейнера выдавит «черную грязь» наружу из невидимых глазу трещин, либо не выдавит уже никогда. Потому что дальше наш путь пойдет на спуск, и атмосфера вокруг нас снова нормализуется.

Хвала богине Авось, кажется, опять обошлось… Хоть это утешает! У нас и так проблем хватает, чтобы еще распроклятый ящик табуитов отравлял нам жизнь…

Всадники и их лошади испытывали то же недомогание, что и мы. Правда, при разнице наших максимальных скоростей «горная болезнь» не давала нам преимущества перед преследователями. Кавалькада въехала в желоб вслед за «Гольфстримом», и ее кони по-прежнему шли уверенной рысцой, не приближаясь к нам и не удаляясь от нас.

Долорес не сводила с противника глаз, но я все равно поминутно озирался и всякий раз видел одно и то же. Всадники не торопились вырываться вперед, хотя вроде бы дали понять, что теперь их главная цель не мы, а «Геолог Ларин». Или «Зигфрид», чью колею кабальеро тоже наверняка не проглядели.

Вообще-то я человек не кровожадный и до недавних пор занимался исключительно мирной профессией. Но, если приспичит, и я способен поступиться своими принципами. Дон Балтазар и его *compañeros* уже не единожды в этом убеждались. Возможно, именно поэтому гвардейцы мешкали, ведь даже им – парням без страха и упрека – неохота добровольно подставляться под снаряды баллестирад…

Глава 2

– Разделяются, *Mio Sol!* Они разделяются! – вскричала Долорес спустя примерно час после того, как «Гольфстрим» въехал в Суэцкий проход.

Дорога по-прежнему оставалась прямой, ровной и относительно чистой, и к этому времени мы отмахали не меньше сорока километров. Унылые руины заметенного песком Порт-Саида остались за кормой. А впереди у нас маячила на горизонте первая достопримечательность этого маршрута – окутанный туманной дымкой, исполинский мост Мубарак.

Малабонита оказалась права: Кавалькада действительно разделилась на две одинаковые группы, растянувшиеся вдоль стен желоба. А значит, и нам пора действовать. Я склонился над переговорной трубой, что соединяла мостик с орудийной палубой, и проорал в раструб:

– Правая и левая батареи – двухминутная готовность! Стрелять по моей команде!

Выслушав ответные доклады, я проследил, как Долорес, не дожидаясь приказа, соскочила с крыши и встала возле одной из кормовых «Эстант» – тяжелого автоматического арбалета с тремя луками. Перезаряжающий механизм взводил их поочередно от раздаточного вала двигателя. Благодаря этому они могли пускать метровые болты один за другим безостановочными очередями.

Дернув за нужный рычаг, я привел в боеготовность роторную катапульту-сепиллу – огромную щетку-ерш, утыканную узкими пластинами из пружинистой иностали. Размещенная на корме, сепилла также раскручивалась от раздаточного вала, после чего прямо на ходу опускалась на землю. И, взрывая ее, метала в движущегося позади врага шквал из пыли, грязи и камней.

При ином раскладе я сэкономил бы орудийные снаряды, отпугнув гвардейцев с помощью одной лишь катапульты. Но, поскольку дно желоба устилал толстый слой песка, эффективно обстреливать их не удастся. Без града камней сепилла могла выбросить только пылевую завесу, сквозь которую Кавалькада запросто прорвется. Но как бы то ни было, это создаст всадникам дополнительные трудности, а значит, глупо отказываться сейчас от этого оружия.

Я взялся за второй рычаг, который управлял опускающей катапульту лебедкой, но не дернул его. В этом внезапно отпала надобность. И не только в этом, но и в остальных приготовлениях. Оказывается, Кавалькада не собиралась идти на откровенное безрассудство, предпочтя ему более муторную, но менее рисковую тактику.

Отряд всадников разделился напополам с иной целью. Я не придавал значения осыпям, сошедшим со склонов задолго до нашего появления здесь. Однако для идущих на обгон кабальеро эти слежавшиеся кучи песка и камней сослужили хорошую службу. И спасли их от наших орудий. Каждая из групп обнаружила в итоге на своем пути осыпь, что достигала верхнего края склона, и двинула по ней наверх. Ради чего всадникам пришлось спешиться и вести рапидо под уздцы, поскольку подъемы были довольно крутые.

Давать задний ход, чтобы попытаться расстрелять врага на крутых подъемах, было бессмысленно. Пока мы возвратимся на полкилометра назад, гвардейцы, заметив это, успеют вскочить на коней и рванут во весь опор на попятную, не дожидаясь, когда мы приблизимся. Ну и черт с ними, пусть уходят! Не выберутся здесь, выберутся в другом месте, а мы будем лишь бестолково метаться за ними, как неуклюжая старуха, гоняющая мухобойкой мух.

Когда «Гольфстрим» отъехал от Кавалькады еще на полкилометра, первые кабальеро уже выбрались из желоба и дожидались остальных, растянувшихся вереницами по осыпям. Я в досаде сплюнул: вот и повоевали! Сейчас всадники обгонят нас поверху, снова спустятся в ров далеко впереди нас и – только мы их и видели! Конница, что тут еще сказать… В откры-

той стычке с бронекатом пользы от нее мало, но в маневренности и скорости она всегда была пронырливее шкипера Проныры.

– Отбой тревоги! – скомандовал я нашим стрелкам и выключил вращающуюся вхолостую сепиллу. – Можете расслабиться – мы упустили Кавалькаду!..

И посмотрел исподлобья на дона Риего-и-Ордаса, который в открытую злорадствовал над нами и смеялся, наверное, впервые с той минуты, как Убби взял его в плен…

Хитрый финт преследователей поверг нас в угрюмое настроение. Оно не улучшилось даже при виде моста Мубарак, что с каждой минутой становился все ближе и грандиознее.

Помимо Столпов, Великой Чаши и Антильского Полумоста мне довелось повидать и другие исполинские артефакты, что уронили на Землю Вседержители в год Всемирного Затмения. Но конструкция, какая предстала нам сейчас в лучах заходящего солнца, была создана руками человека. Она показалась бы нам еще колоритнее, любуйся мы ею, как кабальеро – выбравшись на берег. Самая впечатляющая деталь Мубарака – лишенный промежуточных опор, четырехсотметровый центральный пролет нависал над каналом на высоте около семидесяти метров. Она автоматически увеличивалась до ста для наблюдателей, находившихся на дне желоба. К верхушкам возвышающихся на берегах главных мостовых опор были прикручены десятки толстых вант – тех, что еще не полопались и не болтались, обвиснув, над пропастью гигантскими щупальцами. Уцелевшие тросы крепились к центральному пролету по всей его длине, за счет чего он и не обрушивался под собственной тяжестью.

Неведомо, сколько еще простоит Мубарак, пока песчаные бури не подточат его главные опоры и оставшиеся ванты. Но даже в нынешнем потрепанном состоянии в нем, однако, все еще ощущалось былое величие. То, с каким он, горделивый и натянутый как струна, наблюдал свысока за проплывающими внизу судами. Сегодня, когда половина вспомогательных опор моста обвалилась вместе с его крайними пролетами, он также утратил жесткость и заметно покосился. Нынешний Мубарак походил на стойкого солдата, который, получив ранение, продолжал тем не менее держаться на ногах, даже зная, что этот бой ему не выиграть.

Солнце скрылось за горизонт, когда Мубарак навис у нас над головами. Вблизи его сходство с живым существом лишь усилилось. Порывы ветра били по уцелевшим вантам, как по струнам, и заставляли содрогаться весь мост. Дрожь громадины передавалась и нам: через землю и по воздуху. То нарастающий, то утихающий гул накатывал на нас и вызывал тревожные ощущения. В угрожающее пение Мубарака вплетался лязг и скрежет покачивающихся на ветру оборванных вант. А также стон, что порой издавал «уставший» металлический каркас центрального пролета. Все эти звуки порождали во мне закономерные страхи, причем не беспочвенные. Может, как раз одной встряски от проехавшего под ним бронеката и не хватало этому мосту, чтобы окончательно развалиться?

К счастью, Мубарак проявил к нам милосердие и не стал хоронить нас под своими обломками. Миновав его, мы проехали еще немного, после чего выбрали безопасное место и остановились на ночлег. Можно было попробовать двигаться по накатанной дороге и ночью, при лунном свете, но в последние дни нам и так приходилось спать урывками, и я не собирался полностью отказываться от сна. «Гольфстриму» предстоял неблизкий путь, и каждому из нас ежедневно нужны три-четыре часа полноценного отдыха. Нужны так же, как вода и пища. Нельзя бездумно расходовать силы в самом начале путешествия, а иначе можно и не дотянуть до его конца. Каким бы тот конец ни был и где бы ни находился…

Ночи на вершине Африканского плато были светлее, чем на дне Средиземноморской котловины. Вдобавок завтра ожидалось полнолуние, и выкатившаяся на небосклон вскоре после заката огромная луна давала достаточно света, чтобы видеть впередилежащий путь. Напитавшийся днем солнечной энергией и теперь вовсю фосфоресцирующий Физз посматривал на хозяйку ночного неба, как на врага. Еще бы, ведь в ее лучах чешуя нашего хво-

статого светоча сияла уже не так ярко. К тому же при наличии небесного светила мы реже обращались к ящеру за помощью. Что его тоже не радовало. Переставая чувствовать себя незаменимым, Физз очень расстраивался: шипел, раздраженно молотил хвостом, бродил по палубе из конца в конец, как неприкаянный, и сквернословил больше обычного.

Именно так я объяснял эту его нервозность. Малабонита считала иначе. Она полагала, что я преувеличиваю и что на самом деле Физз, подобно многим животным, подвержен влиянию лунных циклов. Поэтому в полнолуние звериная натура варана берет верх над его разумом, неплохо развившимся за годы жизни бок о бок с человеком. Что думает на сей счет сам Физз, он нам не рассказывал. Все же он имел не настолько могучий интеллект, чтобы заниматься самоанализом, а тем более на человеческом языке и вслух…

Мы не могли угнаться за Кавалькадой, но были в силах помочь «Зигфриду» отбиться от нее. И потому, выделив себе на отдых три часа, мы отправились в дальнейший путь задолго до рассвета. Прямая дорога и яркая луна позволили мне развить почти такую же скорость, как днем. А то, что вчера здесь проехал бронекат-строймастер, гарантировало, что дорога не преподнесет нам сюрпризов. Без них я планировал достичь конца Суэцкого прохода где-то в районе полудня. Ну а там и дышать станет легче, и судьба тихохода-«Зигфрида» окончательно прояснится. Так или иначе, но до вечера мы его нагоним.

Шансы альт-селадора Рубнера схватиться с Кавалькадой были примерно пятьдесят на пятьдесят. Все зависело от того, сколько у гвардейцев осталось воды. Если в разговоре с доном Балтазаром они не солгали, значит, вполне вероятно, кабальеро не станут ввязываться в бой с «Зигфридом», а обгонят его и рванут к «Геологу Ларину». Но если они, желая подбодрить команданте, слукавили, и на самом деле вода у них на исходе, Рубнеру не избежать кровопролития. Перед бегством из Гексатурма он наверняка залил свои баки доверху, а к танкеру спешил с той же целью, что и мы: предупредить его команду о случившейся трагедии.

Все шло как по маслу, пока мы не добрались до второй местной достопримечательности – моста Эль-Фердан. Он был значительно ниже Мубарака, но в лунном свете тоже выглядел весьма внушительно. Тамбурини уже просветил нас, что прежде этот мост предназначался исключительно для железнодорожных составов. И что он состоял из двух поворотных секций, одна из которых находилась на правом берегу, а вторая – на левом. В далеком прошлом Эль-Фердан большую часть времени стоял разведенным и стыковался воедино лишь перед проездом по нему поездов. В новую эру – эру Вседержителей – он вступил в целостном виде. И напоминал издали своими плавными очертаниями верхнюю губу человека…

…Так, по крайней мере, описал нам Дарио силуэт этого моста. Однако мост, к которому мы приближались, выглядел иначе и вовсе не симметрично. Я решил поначалу, что всему виной мое зрение, обманутое игрой лунных теней, но, подъехав ближе, понял, что тени тут ни при чем. Эль-Фердан действительно был не такой, каким описывал его Тамбурини. И я немедля вызвал юношу на мостик, где потребовал от «консультанта» объяснений, что все это значит.

Дарио в этот предрассветный час подменял Гуго, поскольку я велел последнему хорошенько отоспаться. Мы все еще пребывали в разреженной атмосфере, и трех часов для сна пожилому Сенатору было мало. Особенно принимая во внимание, что он вкалывал больше, чем кто-либо из нас. Остановив по моему приказу «Гольфстрим», Тамбурини покинул моторный отсек и поднялся в рубку. Откуда затем долго взирал в молчании на Эль-Фердан и заговорил, лишь когда смекнул, что я начинаю терять терпение.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Дарио, не сводя глаз с озаренной луной громадины. Ее и нас разделяло сейчас всего около полукилометра. – Так не должно быть! Два месяца назад с этим мостом все было в порядке! А иначе как бы тогда наш танкер ушел на юг?

Верно подмечено. В таком виде Эль-Фердан делал Суэцкий проход непроходимым для «Геолога Ларина». Западная секция моста по-прежнему нависала над желобом, сохраняя горизонтальное положение. Чего нельзя было сказать о восточной. Одно ее плечо опустилось и уперлось краем в дно канала, а второе, наоборот, приподнялось и теперь располагалось под углом примерно в двадцать градусов. Такой крен могло вызвать лишь повреждение вмурованного в берег поворотного механизма. На него и приходился центр тяжести трехсотметровой конструкции. А вместе с механизмом она напоминала примитивную карусель, чьи рычаги, правда, имели ограниченный угол вращения – всего четверть оборота.

И не было бы в этом никакой трагедии, если бы дорога проходила под другой секцией Эль-Фердана или, на худой конец, посередине желоба. Однако осыпи и песчаные наносы будто нарочно скапливались именно здесь, у западного склона. У табуитов не оставалось выбора, как только сместить гидромагистраль к восточному склону. И вот теперь это обстоятельство обернулось для нас весьма серьезной проблемой. Такой, от какой мы при всем желании не могли отмахнуться.

Или я заблуждался, и никакой случайности тут в помине не было?

– Так не должно быть! – повторил Тамбурини. – Мы знали, что эта половина моста неустойчива, поскольку ее фундамент искрошился от времени. Каждая наша экспедиция, расчищавшая проход, регулярно укрепляла каменную подушку, которую мы возвели, чтобы застраховать Эль-Фердан от падения. Экипажи танкера всегда проверяли эту опору. Если бы она была не в порядке, мы бы узнали об этом задолго до ее разрушения. Мост не мог взять и просто упасть с подушки! Это такой же абсурд, как если бы корпус вашего бронеката ни с того ни с сего сорвался со своей рамы! Разве только он…

Ошарашенный внезапной догадкой, Дарио умолк на полуслове.

– Разве только какой-нибудь негодяй не перепилит на раме «Гольфстрима» все крепления, – закончил я недосказанную парнем мысль. – Правда, мне такие негодяи еще не попадались. А вот кто мог своротить страховочную опору Эль-Фердана, я догадываюсь.

– «Зигфрид»! – Догадка эта была не настолько сложной, чтобы табуит не дошел до нее своим умом. – Кто еще, кроме него, это мог сделать! Тем более что альт-селадор Рубнер ездил на ремонт гидромагистрали и знал, где у Эль-Фердана ахиллесова пята!

– И впрямь, здорово придумано, – похвалил я находчивость Рубнера, вот только радости в моем голосе не было. – По крайней мере, больше половины эскадры Чарльза Дирбонта здесь теперь не пройдет.

– А мы? – робко осведомился Дарио, глядя на треугольный проем под лежащей наискось мостовой секцией.

– Ты у нас тут главный математик! – буркнула заглянувшая в рубку Малабонита. – Вот возьми и посчитай, протиснемся мы в эту дыру или нет!

– В таком виде, наверное, нет, – прикинул Тамбурини после недолгого раздумья. – Но если снимем мачту, то, скорее всего, да – протиснемся. Только как мы ее снимем?..

Он опять примолк и перевел взгляд на марсовую мачту.

– Никак, – отрезал я, избавляя табуита от бестолкового умственного труда. – Мачта имеет высоту пятнадцать метров и вместе с марсовой площадкой весит почти три тонны. Демонтировать ее в хамаде мы сможем, только если нагоним строймастер и воспользуемся его подъемным краном. Что, сам понимаешь, теперь невыполнимо в принципе.

– Но позвольте! – Тамбурини растерянно заморгал. – Ведь так не бывает, чтобы бронекат не смог пройти под аркой лишь потому, что торчащая у него из палубы труба оказалась чуть выше арки! Неужели конструкторы бронекатов не предусмотрели эту проблему и не придумали способ, как можно обойти ее в полевых условиях?

– Разумеется, предусмотрели, – ответил я. – Ты же не думаешь, что эти умники были глупее тебя?.. Видишь толстый хомут, что обхватывает мачту посередине? Под ним и кроется ответ на твой вопрос.

– Э-э-э… Боюсь, я вас не понимаю, – замялся Дарио.

– Сейчас поймешь, – отмахнулся я, не желая тратить время и разъяснять то, что табуит увидит вскоре собственными глазами. – Иди, буди мсье де Бодье, берите с ним гаечные ключи и снимайте с мачты хомут, на который я показал. Жалко, конечно, так поступать, но куда деваться…

Сандаварг в нашей беседе не участвовал. Сразу, как только мы остановились, он начал проявлять беспокойство. Пока что легкое – учуй северянин серьезную угрозу, он уже вовсю готовился бы к бою. Слушая нас вполуха, Убби всматривался в горизонт и, раздувая ноздри, периодически принюхивался. А когда Тамбурини убежал будить Сенатора, Сандаварг взобрался на мачту, чтобы оглядеться получше. Там он просидел до тех пор, пока механик и табуит не приступили к съему хомута, и за все это время тоже не проронил ни слова.

Мы с Малабонитой следили за ним, то и дело поглядывая на Физза. Чутью последнего мы доверяли больше. Одна проблема: Физз понятия не имел, что такое полутона и намеки, и мог служить лишь грубым индикатором опасности. Он бурно реагировал на ее приближение, но остальное время оставался совершенно невозмутимым. Северянин же мог предупредить нас гораздо тактичнее, не пугая никого до икоты резкой переменой своего настроения.

– Воняет конским дерьмом, – доложил Сандаварг, спустившись с мачты. – Такой запах ни с чем не спутаешь. А особенно здесь, где единственные лошади есть сами знаете у кого. Ветер дует с юга, и вонь не ослабевает, хотя лошадиного ржания не слышно. Сейчас Кавалькады нет возле моста. Но она покинула это место недавно и проторчала здесь довольно долго, потому что вчерашнее дерьмо так не воняет, поверьте.

– Надо же, какое тонкое наблюдение! – съязвила Малабонита. – Ну ладно, допустим, разбили гвардейцы за мостом лагерь, поужинали, переночевали, а час назад сгребли манатки и поскакали дальше. Само собой, что лошадиный навоз они с собой увозить не стали – это же не фермеры, которые за скотиной каждую какашку подбирают и пускают на удобрение. Вот и лежит теперь в том краю бесхозный навоз да попахивает… Только ты-то с чего вдруг разволновался?

– С того, что эти песьи дети останавливались на ночлег всего лишь сутки назад, – пояснил знаток гвардейских повадок и конских удобрений. – Они привычны к многодневным скачкам и могут очень долго обходиться без сна. Погоня за нами не отнимает у кабальеро много сил, и они позволяют себе отдыхать чаще. Чтобы преодолеть эту дорогу с негодным воздухом, кабальеро нужен всего один рывок. Зачем, ответь мне, женщина, Кавалькаде разбивать лагерь здесь, когда уже утром она спустится туда, где нормально дышится и башка не раскалывается от боли?

– Да мало ли из-за чего Кавалькаде приспичило тут задержаться! – В мыслях Долорес наверняка согласилась с северянином, но в открытую этого Моя Упрямая Радость никогда бы не признала. – Может, гвардейцы отыскали там залежи артефактов Брошенного мира и решили в них хорошенько покопаться!

– Здесь на много километров вокруг давно не сыщешь ничего интересного, – отозвался слышащий наш разговор Дарио. – Орден исследовал окрестные земли вдоль и поперек еще сто лет назад. Места здесь, в отличие от Европейского плато, были совсем небогатые.

– Тогда зачем, по-твоему, кабальеро проторчали у Эль-Фердана столько времени? – поинтересовалась Малабонита у Дарио. Тот лишь пожал плечами. Они с Гуго бились над очередной тугой гайкой, и их сейчас больше волновала она, а не наше совещание.

– Взгляни повнимательнее на упавший мост, женщина, и ты все сразу поймешь! – подсказал Убби. И не преминул отпустить в ее сторону ответную шпильку: – Или не сразу, если без меня ты до сих пор ни о чем не догадалась.

Острая на язычок Малабонита явно не намеревалась оставаться в долгу, но я прервал их пикировку, задав Сандаваргу прямой вопрос:

– Ты предполагаешь, впереди – засада?

– Точно не скажу. – Он пожал плечами. – Но если она там есть, я бы советовал не щелкать клювами, а заранее к этому подготовиться.

– Каким образом? Если мы пошлем тебя в дозор, а ты окажешься прав, вряд ли кабальеро позволят тебе вернуться на «Гольфстрим» или воевать с ними по благородным правилам.

– По благородным правилам, Проныра, я и гвардейцы будем воевать при свете дня, сойдясь лицом к лицу, – ответил северянин. И, сверкнув глазами, хищно осклабился. – А с теми, кто подкарауливает меня под покровом ночи, чтобы напасть исподтишка, я и брат Ярнклот толкуем по-другому. Ты верно говоришь: никаких дозоров! Поступим проще. Раз мы не можем объехать вражескую засаду, значит, разберемся с ней старым дедовским способом.

– Боюсь даже спрашивать, каким именно, – заметил я, – но точно знаю, дипломатов в твоей семье отродясь не водилось.

– Это точно! – хохотнул Убби. – Затешись в наш род хотя бы один такой извращенец, наша кровь сразу скисла бы и превратилась в собачью мочу! Но, как видишь, со мной такого не произошло… Ну так что ты решил? Дадим брату Ярнклоту сегодня порезвиться или нет?

Вопрос был чисто риторический. Формально северянин не состоял в моей команде и, находясь на борту, выполнял лишь те мои приказы, которые не противоречили его планам. Порой он и впрямь следовал моему совету не ввязываться в драку. Но это случалось лишь тогда, когда враг находился вне досягаемости его кистеня. В противном случае, а особенно если враг сам лез на рожон, удерживать Убби от кровопролития было все равно что тормозить кулаком бронекат. Обычно я не тратил времени, успокаивая почуявшего кровь северянина. Желает подраться – пусть дерется. Тем более что он и его иностальные братья Ярнклот и Ярнскид защищают наши жизни с тех самых пор, как мы во все это ввязались.

В данный момент мы не знали наверняка, прав Сандаварг или нет. Но если я отговорю его от задуманного, а он в итоге окажется прав, мы допустим непоправимую ошибку. Возможно, последнюю ошибку в своей жизни. Так что перестраховаться в любом случае не помешает.

Гвардейская угроза была пока лишь гипотетической, а вот угроза потерять марсовую мачту – вполне реальной и неотвратимой. К счастью, конструкция бронеката позволяла свести ущерб от такой аварии к минимуму. Под хомутом, что сняли Дарио и Гуго, мачтовая труба имела технологическое сужение, в котором ей было суждено переломиться. Эта нарочитая слабина предохраняла от повреждения палубы, сквозь которые проходила закрепленная на дне трюма мачта. Зацепившись верхушкой за преграду, она аккуратно сгибалась и отламывалась на уровне крыши рубки, а затем валилась слева от нее на поручни мостика. Они были специально усилены, чтобы выдержать удар, и не позволяли упавшему обломку разрушить что-либо еще. Ну а бандажный хомут предназначался для укрепления ослабленного участка трубы, дабы рывки и качка не расшатывали и не гнули ее до положенного срока.

Когда Тамбурини увидел, что скрывалось под хомутом, у него пропали ко мне все вопросы. Зато тут же возникли новые – к Сандаваргу. А тот, прихватив кистень, взобрался на мачту и присел за бортик марсовой корзины так, чтобы его не было видно. Интересоваться у него, в чем дело, Дарио не стал – смекнул, что сейчас Убби явно не расположен к общению. Мне тоже было некогда объяснять, что он задумал. Вместо этого я указал табуиту и Сенатору на ящера и распорядился:

– Заберите Физза в моторный отсек и ждите моих дальнейших распоряжений! – После чего повернулся к Долорес: – А ты встань у кормовой баллестирады и будь начеку. Только постарайся не подстрелить дона Балтазара. Нам-то без разницы, но вот Убби вряд ли скажет тебе за это спасибо.

Разбуженный суетой, дон Риего-и-Ордас сидел и терялся в догадках, к чему это мы готовимся, поскольку высокие борта мешали ему рассмотреть мост. Гордость же не позволяла команданте спросить меня об этом напрямик, а сам я и не думал посвящать его в наши планы. Наоборот – злорадно предвкушал, как подскочит этот высокомерный южанин, когда неподалеку от него грохнется обломанная верхушка мачты.

Разгон до предельной скорости…

Обычно я любил это занятие. Когда ведомая мной махина, набирая обороты, летела вперед по ровной дороге, я осознавал себя маленьким богом. И чувствовал, как будто сама Земля, подталкиваемая колесами бронеката, ускоряет свое вращение…

Увы, но этот разгон не сопровождался привычным наплывом легкой эйфории. Мешало то обстоятельство, что сейчас я собственными руками лишу истребитель марсовой мачты. И пусть мы шли на это от безысходности, все равно, я был себе ненавистен. То же самое я чувствовал бы, придись мне вдруг – упаси Авось! – отрубать хвост Физзу. «Гольфстрим» и Физз передавались по наследству от Проныры-отца к Проныре-сыну. И вряд ли духи моих предков воспримут даже вынужденную порчу бронеката как знак уважения к ним.

Скорость была нашим главным преимуществом. Она гарантировала, что при столкновении с Эль-Ферданом мачта сломается быстро и упадет в правильном направлении. Это также усложнит задачу кабальеро, если, конечно, они и впрямь устроили там засаду.

Поставив себя на их место, я рассудил, что мне вряд ли хватило бы духу сигать с моста на несущийся бронекат. Но в том-то и дело, что я – не гвардеец. И если для меня смертельный риск всегда сродни глупости и безрассудству, то у *compañeros* он считается доблестью. А что это такое – настоящая доблесть, является для меня тайной за семью печатями. Несмотря на мою фамилию, на самом деле Еремей Проныра Третий – человек простой и не амбициозный. И от жизни мне надо немного: мотаться туда-сюда по Атлантике на «Гольфстриме», перевозить грузы и получать за это достойное вознаграждение. Вот почему развеселая жизнь, которую устроила всем нам Владычица Льдов, была для меня сущей пыткой. И чем дальше, тем эта пытка становилась все изощреннее и мучительнее.

Я – человек простой. Простой и миролюбивый. Поэтому я до последнего надеялся, что опасения Убби ошибочны. И даже когда с накренившегося моста упали, распутываясь на лету, два каната, я все еще уповал на то, что они – обрывки каких-нибудь тросов или кабелей. И даже когда по этим «обрывкам» заскользили вниз люди в легких гвардейских доспехах, я упорно продолжал верить, что мне это мерещится от страха и нервного напряжения…

Меня привел в чувство удар металла о металл. Удар, от которого трехсоттонный истребитель содрогнулся и замедлил ход, а я не устоял на ногах. И лишь рулевое колесо, на которое я навалился грудью, не позволило мне упасть и пропустить самое интересное.

Однако вернемся немного назад. Секунд за пятнадцать до того момента, как мачта ударилась о край мостового пролета, поваленного на нашем пути строймастером «Зигфрид».

Потомственный воин и наемник Убби Сандаварг обожал ставить перед собой сложные боевые задачи. За время нашего знакомства чем он ни занимался: и бросался в одиночку на шестерых всадников, и оседлывал пса Вседержителей, и охотился с пращей на вингорца, и колошматил перед многотысячной толпой телохранителей первосвященника Нуньеса, и совал ладонь в чистое пламя, и брал в плен самого дона Риего-и-Ордаса… Сегодняшняя затея Убби была столь же безрассудной. Предугадав засаду и способ, каким кабальеро прорвутся на «Гольфстрим», северянин решил атаковать их до того, как гвардейцы ступят на

палубу. То есть прямо во время спуска по канатам. Тогда, когда они уж точно не будут ждать контратаки и не окажут серьезного сопротивления.

Провернуть такой трюк он мог, лишь набросившись на спускающегося с мачты противника. Сделать это было бы куда легче, если бы мачта не врезалась в мост и сломалась пополам. Что Убби отнюдь не смутило. За пятнадцать секунд до столкновения он перебрался из корзины, где укрывался от вражеских глаз, обратно на лестницу. За пять секунд до столкновения успел раскрутить кистень. А в момент аварии – оттолкнулся от мачты и полетел вперед, подобно выпущенному из катапульты снаряду.

Чутье опять не подвело северянина. Когда истребитель въехал под мост, залегшие на нем гвардейцы уже сбросили канаты и забрались на них. Однако, сами того не подозревая, они подготовили страховку и для Убби, которому пришлось ухватиться за те же спусковые фалы.

От акробатических выкрутасов нашего сорвиголовы у меня перехватило дух. Воистину, отважиться на такое мог лишь человек с мозгами набекрень! Сломанная мачта грохнулась на мостик неподалеку от рубки, но я почти не обратил на это внимания. То, что творилось сейчас в пространстве между мостом и палубой, было куда интереснее.

Чтобы пресечь вторжение, Сандаварг нацелился сначала на тех противников, что спускались первыми. Задержав их, он тормозил на спуске и остальных. Кистень северянина не ударил гвардейца, а захлестнул его вокруг туловища подобно тому, как кочевники захлестывают ноги лошадей метательным ловчим оружием – болас. Правда, в отличие от легкого болас, брат Ярнклот имел длинную цепь, весил целый пуд и был утыкан шипами. Опутанная им жертва не только утратила подвижность, но вдобавок заработала удар по затылку, после чего моментально отключилась. И, обмякнув, осталась висеть на канате, накрепко примотанная к нему цепью.

А Убби тем временем занялся второй вражеской группой, что спускалась параллельно первой. Разогнавшись в полете, крепыш-коротыш саданул ногой в кожаный нагрудник первого противника, отчего тот не удержался и, выпустив из рук канат, сорвался на проезжающий внизу бронекат.

И все бы ничего, да только от удара гвардеец перевернулся в воздухе вверх ногами. Упав между торчащим из палубы контейнером и обломком мачты, бедолага врезался головой в настил, что никак не могло считаться удачным приземлением. Выжить после него было еще можно, но вскочить на ноги и ринуться в бой – никогда. И этот кабальеро не стал исключением из правил.

Сшибив первого захватчика, Убби очутился на его месте и, ухватившись за канат, повис на нем. Справа и сверху от него болтались еще восемь гвардейцев – по четыре на каждом канате. В таком подвешенном состоянии им было несподручно драться шпагами, но ближайшие враги могли легко достать Сандаварга кинжалами и пистолетными пулями. В то время, как он воевал голыми руками, поскольку брат Ярнклот продолжал обвивать цепью оглушенную жертву.

Чтобы и дальше следить за схваткой, мне пришлось прильнуть к задним окнам рубки, поскольку «Гольфстрим», пронесшись под мостом, оставил дерущихся за кормой. Но перед тем, как покинуть штурвал, я скомандовал Гуго: «Стоп колеса!» Больше засада была нам не страшна, и уже не мы, а Убби нуждался в поддержке. И бросать его здесь одного мы не собирались, даже если бы он сам попросил нас об этом.

Пока «Гольфстрим» замедлял ход, на мосту произошли кое-какие перемены. Я решил, что вошедший в раж Сандаварг уже не отцепится просто так от противника. Но, вопреки моим ожиданиям, Убби трезво оценил собственные силы и решил выйти из игры, пока ему не перестало фартить.

Проморгавшие «Гольфстрим» кабальеро обнажили кинжалы и выхватили из кобур пистолеты, однако Убби не стал дожидаться, когда ему всадят в голову пулю. Выкрутиться из этого щекотливого положения ему помог брат Ярнклот. Выпустив из рук канат, Сандаварг не сорвался вниз, поскольку цепь кистеня была намотана северянину на запястье. Качнувшись на ней, он взялся, как на карусели, описывать круги вокруг опутанного братом Ярнклотом гвардейца.

Раздались хлопки пневматических выстрелов. Но попасть из пистолета во вращающуюся цель, когда ты сам болтаешься на веревке, чрезвычайно непросто. Все пули пронеслись мимо Убби и угодили в землю. А между тем разматывающаяся цепь все удлинялась, и после второго оборота кистень отцепился-таки от удерживаемого им на весу пленника.

Длина цепи позволила Сандаваргу плавно спуститься почти до дна желоба. Убби пришлось падать лишь последние метра четыре, что было плевым испытанием для его могучих ног. Коснувшись земли, он немедля откатился в сторону, дабы упавшее следом ядро не размозжило ему череп. И не только оно заставило акробата поберечь голову. Сразу за братом Ярнклотом туда же шмякнулось тело оглушенного кабальеро. Отпутанное от каната, оно не удержалось на нем и также устремилось вниз.

Готовая расстрелять любого незваного гостя, Долорес поняла, что эта угроза позади, и поспешно развернула «Эстанту» наружу. И даже выпустила по гвардейцам несколько болтов, прежде чем я, вспомнив кое о чем важном, отдал ей срочный приказ:

– Лестница, Моя Радость! Срочно лестницу за борт!

Малабонита выругалась – мало того, что она ни в кого не попала, так я вдобавок помешал ей это исправить! – но оставила баллестираду и метнулась к левому борту, чтобы скинуть северянину веревочную лестницу. И как я мог об этом запамятовать! Готовясь к прорыву, мы, казалось, учли все детали, а такую элементарную мелочь не предусмотрели! Ладно, я еще вовремя спохватился, а то пришлось бы Убби бегать под пулями, дожидаясь когда мы, неблагодарные сволочи, впустим обратно на борт нашего спасителя.

Помимо кабальеро-верхолазов на Эль-Фердане пряталась еще дюжина их собратьев. Они немедля взялись обстреливать истребитель из пневматических винтовок, прикрывая застрявших на веревках *compañeros* от наших стрел. Само собой, что стрельбу они вели прицельную – Кавалькада не могла допустить, чтобы команданте погиб ненароком от шальной пули. Они забрякали по щитку «Эстанты» и по крыше рубки, но, кроме легкого испуга, не причинили нам вреда. А когда стрелки смогли взять на мушку спрыгнувшего наземь Сандаварга, они и вовсе оставили нас в покое, переключились на более легкую цель.

Легкую, да верткую. Подхватив брата Ярнклота, северянин без оглядки припустил к нам. При этом он метался из стороны в сторону, словно преследуемая шакалами антилопа. И только юркнув за колесо истребителя, Убби смог перевести дух. Что ни говори, а подобные выкрутасы, да еще в разреженной атмосфере, согнали семь потов даже с такого неутомимого воина, как он.

Пули летели не переставая – очевидно, под рукой у стрелков было много заряженных винтовок. Тратить время на перестрелку было бы неразумно – враги засели гораздо выше и были загорожены от нас кромкой моста. Пользуясь их прикрытием, верхолазы торопливо выбирались по канатам назад, на Эль-Фердан. Выпустив со злости пару болтов и снова промазав, Малабонита в конце концов бросила эту затею. Кабальеро и так понесли потери, что для жалких остатков Кавалькады стало очень даже хорошим уроком.

– Передай Убби, пусть хватается за лестницу, но не лезет по ней, – крикнул я Малабоните. – Нечего маячить под пулями! Пусть дождется, пока я отведу «Гольфстрим» подальше, а уже потом забирается на борт!

И, дав северянину время закрепиться на внешней обшивке, между колесами, я склонился над раструбом коммуникатора и приказал Сенатору: «Малый вперед!»

Через десять минут, когда над нами разгорался рассвет, мы были уже далеко от Эль-Фердана. Верхняя половина марсовой мачты лежала там, куда она упала, поскольку нам было некогда разбирать завал. Отлично взбодрившийся Сандаварг прохаживался вокруг мертвого гвардейца – того, что грохнулся с каната на палубу и свернул себе шею. Убби не имел привычки глумиться над телами поверженных врагов, но сейчас его лицо излучало гордость и удовольствие от одержанной победы.

Хорохорился он не столько перед нами, сколько перед доном Риего-и-Ордасом. В глазах команданте красноречиво читалось все, что он думает о северянине. Любой другой враг Убби за такой взгляд вмиг лишился бы головы. Но к этому пленнику Сандаварг относился со снисходительностью, даже когда на первых порах тот осыпал его бранью. Снисходительность, которой сам северянин вряд ли дождался бы от дона Балтазара, поменяйся они вдруг местами.

И это был еще не предел великодушия Сандаварга.

На сей раз команданте воздержался от проклятий – видимо, не желал растрачивать в разреженной атмосфере силы на сотрясание воздуха. Вместо этого, когда ярость в глазах дона угасла, он неожиданно попросил северянина подтащить к нему мертвого гвардейца. На что Убби также неожиданно, без злорадства и пререканий, согласился. И исполнил просьбу пленника сразу, как только избавил мертвеца от оставшегося при нем оружия.

Я не слышал, что говорил дон Риего-и-Ордас, когда стирал карманным платком с лица погибшего кровь и закрывал ему глаза. Об этом мне поведал позже Убби. При взгляде на эту сцену он поневоле растрогался и исполнился еще большего благородства. После чего пообещал пленнику не выкидывать мертвеца за борт, а, дождавшись остановки, унести того в хамаду и завалить камнями.

– Покойся с миром, капрал Марко Вальдес! – молвил команданте, оказывая убитому последние скупые почести. – И прости еще раз, что я вынудил тебя пойти ради меня на эту ненужную жертву… – А затем повернулся к Сандаваргу и полюбопытствовал: – Кто-нибудь еще погиб на том мосту от твоей руки, северянин?

– Не думаю, – признался тот, не став приукрашивать назло дону свои подвиги. – Был там еще один горе-верхолаз, который получил по башке и тоже сорвался с веревки, но он скорее всего выжил. Ну а нет, так загрызи его пес! Я никого из вас силком на мост не загонял и не приказывал становиться у меня на пути.

Возможно, дон Балтазар хотел что-либо возразить, но промолчал – остерегся, что Убби рассердится и передумает хоронить капрала Вальдеса. Оставив в покое мертвеца, команданте вновь погрузился в невеселые раздумья о своем туманном будущем. И хоть сегодня ему везло куда меньше, чем нам, вряд ли наши перспективы выкрутиться из этой истории живыми были выше.

Пока что наша стратегия отличалась незамысловатостью: удрать из Червоточины, где теперь хозяйничала армия южан. Но что дальше? Вернуться в наш привычный мир, обогнув Африку с юга, без боя не удастся. Для этого нам придется миновать земли Владычицы Льдов. А затем – пересечь Фолклендский разлом, переправы через который стерегут ее бронекаты. Но даже соверши мы невозможное и прорвись на родину, что потом? Скрываться всю оставшуюся жизнь, раскатывая по задворкам Атлантики, и гадать, власти какого города первыми арестуют нас и выдадут южанам?

Хорошо Сандаваргу, Тамбурини и де Бодье! Им ничего не стоит в любой момент собрать вещички, сойти с «Гольфстрима» и зажить прежней жизнью в тех краях, где их не знают. Не хотелось думать то же самое о Малабоните, но если и ей станет невмоготу, она может вернуться к отцу, градоправителю Аркис-Сантьяго. И укрыться под его защитой, помалкивая о своем преступном прошлом.

И лишь мы с Физзом, который сросся с «Гольфстримом» всей своей бесхитростной звериной душой и напрочь отвык от дикой хамады, не могли все бросить и податься в фермеры или сборщики иностали. Да что там – мне такое даже в голову не приходило! А иначе я сбежал бы с «Гольфстрима», бросив его и груз, еще три месяца назад, когда узнал, что за нами охотится Кавалькада. «Гольфстрим» – и прежний буксир, и нынешний истребитель – был и оставался для меня и ящера родным домом. А перевозка грузов и путешествия по миру – единственным образом жизни, без которых она теряла для нас всякий смысл.

Вот почему я, при всем желании, не назову бессмысленным наше бегство из Гексатурма. Мы все еще везли груз, который табуиты доверили эвакуировать нам из храма Чистого Пламени! Разве только своей конечной цели мы сегодня не знали. Вернее, знали, но она была совершенно недостижима: южный Полярный Столп.

Дотуда нам, при всем старании, не доехать. А жаль. Табуиты верили, что, если опылить «черной грязью» одну из ключевых опор столповой системы, мы, возможно, уничтожили бы ее и сорвали Вседержителям многовековой процесс уничтожения нашей планеты. После чего они, чем черт не шутит, плюнули бы на нас и, вычеркнув Землю из своих планов, оставили бы ее в покое. После чего наша планета, возможно, возродилась бы со временем в прежнем, цветущем обличье.

…Или окончательно погибла бы – как знать… Но поскольку мы, аборигены, так или иначе обречены, то попробовать довести дело табуитов до конца все-таки стоило. Вот только с какого боку к нему подойти? Авторы этой идеи погибли вместе со всеми своими планами и высокими технологиями, а без них осуществить их проект попросту нереально…

Я с утра до вечера раздумывал о Кавалькаде, о грядущих препятствиях и о нашем будущем, лишенном всяческих перспектив. И во всем этом круговороте для нас как-то невзначай отошла в тень проблема, которая в последний месяц не давала о себе знать.

А забывать о ней не стоило. Особенно теперь, когда контейнер с «черной грязью» покинул хранилище табуитов и вновь путешествовал по хамаде, грозя привлечь к себе внимание Вседержителей…

Глава 3

Прыткость, с какой «Зигфрид» несся по Суэцкому проходу, делала честь шкиперу строймастера. Даже задержавшись у Эль-Фердана, альт-селадор Рубнер продолжал идти впереди нас с хорошим отрывом.

Южнее второго моста наш путь утратил прямое направление. Виноваты в этом были не мы и не кабальеро, а древние прокладчики нашей магистрали. Сэкономив трудозатраты, они соединили каналом несколько озер, ныне представляющих собой бесформенные, неглубокие впадины. Преодолевая очередной поворот или огибая береговой выступ, я надеялся, что вот сейчас мы точно увидим вдалеке «Зигфрид». Однако мои ожидания, увы, не оправдывались. Лишь затоптанные конскими копытами отпечатки колес указывали на то, что строймастер и кабальеро прошли здесь совсем недавно. Первый – судя по всему, перед рассветом, а вторые – уже после восхода солнца.

За последней впадиной желоб снова брал курс на юг и уже тянулся, не сворачивая, вплоть до Красного моря. Мы выехали на его берег за два часа до полудня. Раскинувшаяся перед нами широкая и глубокая котловина была, по словам Дарио, еще не самим морем, а лишь его северной оконечностью – узким Суэцким заливом. Впрочем, нас не волновало, как называется то, что мы видим. А видели мы тянущийся до самого горизонта пологий спуск. И вел он в те желанные земли, где мы вновь задышим полной грудью и обретем нормальное самочувствие.

Дно бывшего залива оказалось одной из лучших дорог, по которым мне когда-либо доводилось ездить. Заметенная песком, она просматривалась далеко во все стороны и не имела предательских разломов, трещин и скальных образований. Вся эта дрянь наблюдалась лишь вдоль восточного и западного склонов, в то время, как середина котловины оставалась чистой. Видимость была отличная, и я, идя по следам «Зигфрида» и Кавалькады, позволил себе разогнать истребитель до максимальной скорости. При этом, правда, нас стало частенько подбрасывать на ухабах, но никто не жаловался. Всем, включая дона Балтазара, не терпелось вернуться в привычный мир и излечиться наконец от «горной болезни».

Без малого триста километров тянулся залив, прежде чем становился полноценным морем. При такой резвой езде мы должны были отмахать это расстояние к вечеру. И отмахали бы, не случись вскорости то, чего мы давно ожидали и к чему готовились…

…И что, как ни странно, стало для нас большим и неприятным сюрпризом!

Мы настигли «Зигфрид» примерно на середине котловины. Он был замечен нами за несколько километров. Вскоре выяснилось, что строймастер не двигается, а стоит на месте, и вокруг него не идет никакого сражения. Кавалькады поблизости также не наблюдалось, но ее следы шли параллельно колее «Зигфрида», и кабальеро точно с ним не разминулись. А вот чем завершилась их встреча, издали определить не удавалось.

В том, что строймастер стоял без движения, не было ничего странного. Странно было то, что при нашем появлении бронекат не сорвался с места и не покатил к ближайшему склону котловины. Рубнер не знал, что «Гольфстрим» все еще принадлежит друзьям, пускай на наших бортах и не было гербов Владычицы. И если «Зигфриду» повезло отбиться от Кавалькады в чистом поле, противостоять там же истребителю он бы не сумел. Лишь прячась среди скал и осыпей, где мне будет трудно стрелять и маневрировать, Рубнер имел шанс от нас защититься. Табуиты еще могли успеть достичь ближайшего склона котловины, но почему-то этого не делали. И вообще вели себя так, словно всерьез рассчитывали, что мы не обратим на них, неподвижных, внимания.

Еще до того, как мы подъехали к строймастеру на расстояние выстрела наших «Сембрадоров», стало очевидно, что гвардейцы не атаковали табуитов. На это указывал характер

их следов. Километра за два до остановки «Зигфрид» принялся вилять из стороны в сторону, но виной тому была не настигшая его конница. Ее след оставался неизменно прямым, тогда как при атаке она наверняка разделилась бы на две группы. А те, в свою очередь, растянулись бы по флангам, чтобы не превращаться в легкие цели для стрелков Рубнера.

По всем признакам, Кавалькада увидела строймастер, когда он уже не двигался. На ее появление «Зигфрид» тоже не отреагировал. После чего гвардейцы решили проверить, что стряслось. Почему вдруг бронекат начал ни с того ни с сего носиться зигзагами по ровной дороге, а затем встал как вкопанный.

Нас это интересовало ничуть не меньше. Но, по мере приближения к «Зигфриду», загадка не прояснялась, а, напротив, становилась все туманнее. Причиной тому служили многочисленные пробоины, усеивающие борта и крышу верхней палубы строймастера; последние я тоже мог заметить, потому что верхняя палуба истребителя была выше, чем у инженерного бронеката.

Повреждения были двух типов: круглые, будто от удара молота-чекана, и продолговатые – такие, что остаются в жести, когда ее кромсают ножом. Одно но: корпусная броня строймастера была толщиной в два пальца. Так легко и, главное, аккуратно, не деформируя шпангоуты, пропороть и пробить корпус бронеката не способно ни одно оружие в мире. Для этого требовалось специальное устройство – сверхмощный механический молот. Такие имеются только в городских артелях клепальщиков и используются при постройке бронекатов или обработке особо прочной иностали. Но откуда здесь, в дикой, безлюдной хамаде, мог взяться подобный механизм? Ведь он, ко всему прочему, обладает солидными габаритами, и для его перевозки потребовался бы бронекат покрупнее «Гольфстрима». Других же отпечатков колес вокруг «Зигфрида» не наблюдалось, а уж их-то точно нельзя было не заметить.

Обшивку строймастера пробивали снаружи – на это указывали вогнутые внутрь края брешей. Круглые также делились на два вида: одни были диаметром с грейпфрут, другие – с некрупное яблоко. Последних насчитывалось намного больше. Продолговатые бреши имелись лишь в крыше. В отличие от хаотически разбросанных по броне круглых дыр, эти располагались в определенном порядке – группами, по три параллельных прорези в каждой. Наибольшее их скопление было в центре крыши. А в одном месте она оказалась растерзана настолько, что в ней возникла сквозная прореха вдвое шире той, какую проделал в палубе «Гольфстрима» упавший контейнер табуитов.

– Святой Фидель Гаванский! – не на шутку испугалась Малабонита, когда мы, остановившись вдалеке от «Зигфрида», собрались на мостике, дабы рассмотреть находку с безопасного расстояния. – Да ведь это, не иначе, сам вакт Рубнеру крышу процарапал! Он самый, точно вам говорю!

– Загрызи меня пес, если ты неправа! – поддакнул ей Убби, только без страха, а с нескрываемой радостью. – Ну, вот и свиделись! А я-то уже решил, что вакты о нас позабыли и что мне не суждено поквитаться с ними за старые обиды!

Я, естественно, восторгов северянина не разделял. Он жаждал взять реванш у пса Вседержителей с той самой минуты, как один из них задал ему взбучку в предгорьях Срединного хребта. Взбучка выдалась для Убби вдвойне досадной от того, что его обидчик пал тогда от руки Малабониты, которая подстрелила его из лука, случайно попав стрелой в ноздрю монстра. Или, точнее, в дыхательный клапан, поскольку затем, при изучении нашей добычи, мы совершили удивительное откровение: питающиеся иногазом псы Вседержителей являлись высокотехнологичными искусственными существами! И лишь сверху их иностальные тела обтягивала похожая на натуральную, маскировочная кожа.

Оставив пока свое мнение при себе, я посмотрел на Физза. Он терпеть не мог вактов и чуял, когда те околачивались поблизости. Но ящер помалкивал. Значит, если Малабонита не ошиблась, напавший на «Зигфрид» пес Вседержителей давно отсюда убрался. Что также

косвенно подтверждали следы Кавалькады, чьи кони затоптали песок вокруг строймастера. Если враг – кем бы он ни был, – не напал на гвардейцев, стало быть, те его здесь уже не застали.

– Скажите, вы видите там чьи-нибудь тела? – полюбопытствовал вытягивающий шею Дарио, стараясь высмотреть на «Зигфриде» хотя бы одну живую душу. Трап бронеката был опущен, но ни в открывшемся за ним проеме, ни в бойницах не наблюдалось признаков жизни.

– Похоже, парень, на той развалюхе пусто, как в голове у меня с похмелья, – озадаченно пробасил Убби. – И куда все подевались, этого я пока не скажу. Но вакт их точно не сожрал, ведь мы своими глазами видели, что у него есть пасть, но нет ни глотки, ни требухи, ни даже дырки в заднице. А питается он одним лишь жидким иногазом, засасывая его через ноздри из вулканических озер. Правильно я говорю, толстяк?

– Безусловно, мсье! Вы совершено точно описали этот образчик продвинутой инопланетной техники, непонятно почему прозванный псом, – отозвался топчущийся рядом с нами Гуго. – Однако смею заметить, что круглые отверстия, какие мы видим в бортах строймастера, оставил явно не коготь вакта.

– Дыры на крыше, между прочим, тоже слабо похожи на следы от когтей тех вактов, каких мы раньше встречали, – добавил я. – Разве после их атак нам с вами, *mon ami*, приходилось заделывать пробоины в корпусе?

– Возможно, мсье шкипер, что прежде мы сталкивались лишь с поисковыми вактами, – предположил Сенатор. – Вы ведь не станете отрицать, поскольку они – механизмы, значит, Вседержители разработали не одну модель такого существа. И среди вактов наверняка есть свои разведчики, штурмовики, истребители и даже стрелки.

– Ну ты сказанул – вакты-стрелки! – подивился Сандаварг. – Это ж надо додуматься до такого! Да тебе бы не гайки у Проныры крутить, а в скальды податься и новые саги взамен старых слагать! Глядишь, куда быстрее скопил бы себе денег на старость и в свой занюханный городишко вернулся.

– И как же, по-вашему, выглядят эти самые стреляющие вакты? – осведомился я у де Бодье.

– Меня больше интересует не то, как эти создания выглядят, а то, из какого оружия они стреляют, мсье шкипер, – заявил Гуго, почесав в затылке. – Взгляните на эти отверстия. Особенно на те, что покрупнее. Даже иностальное ядро, выпущенное из самой мощной катапульты, не пробьет такого, не говоря о камне. Заметьте: вокруг пробоины практически отсутствует вмятина! О чем это говорит?

– Об огромной начальной скорости такого снаряда! – опередил меня Дарио, хотя я мог ответить на вопрос и без его подсказки. – Чтобы продырявить толстую иносталь, не деформировав ее, ядро, величиной с брата Ярнклота, нужно разогнать сильнее скорости звука. Возможно, даже в два или три раза сильнее… Вот только что стало при этом с альт-селадором Рубнером и его экипажем?

– Давайте пойдем и выясним это, – подвел я итог нашему совещанию. – Место здесь удобное. Кавалькаду и вактов можно засечь за несколько километров, с какой бы стороны они ни заявились… Только придется кому-то остаться на борту, чтобы посматривать за горизонтом.

– Я останусь, – вызвалась Долорес. И, помрачнев, объяснила свое нежелание идти с нами в разведку. – Кажется, у Рубнера на борту были женщины и дети. И если они лежат сейчас там, внутри, растерзанные на куски… Ну, вы понимаете.

Конечно, мы ее понимали. По идее, не нужно было брать с собой и Дарио. Он мог хорошо знать погибших на «Зигфриде» табуитов, что отразится на его и без того расшатанных нервах. Но поскольку сам Тамбурини от участия в разведке не отказывался, я не стал его

отговаривать. Пускай привыкает, ведь завтра нас может ждать и не такое. Особенно теперь, когда неравнодушные к нашему грузу псы Вседержителей вновь напомнили о себе.

Мы объехали «Зигфрид» по кругу, затем приблизились к нему, опустили трап и, прихватив оружие, выдвинулись на осмотр безжизненного бронеката.

Доносящийся из его моторного отсека гул Неутомимого Трудяги не нарушали никакие посторонние шумы. Кажется, раненых на строймастере не осталось, а иначе до нас долетели бы их стоны. Трап инженерного бронеката был запорошен песком, но его нанес сюда не ветер, а сапоги кабальеро. Они, судя по всему, сновали по сходням взад-вперед до тех пор, пока не наполнили свои бурдюки водой из трюмного резервуара и не напоили лошадей. И трап, очевидно, опустили сами гвардейцы, проникнув на «Зигфрид» через брешь в крыше.

Через нее же пробрался туда и Убби. Дабы не нарваться на засаду – в утробе бронеката нас могли поджидать не только трупы, – северянин велел нам подождать его снаружи, у колеса. А сам отправился проверить, не столкнемся ли мы нос к носу с коварными кабальеро.

– Все чисто, – известил нас Сандаварг, выйдя на сходни спустя пару минут. – После Балтазаровых ублюдков и тут все провоняло конским дерьмом, но теперь им хватило ума не искать со мной встречи, засев внутри железного гроба!.. Кстати, о мертвецах. Что-то я вконец запутался: развалюха истерзана вактом и обстреляна из неизвестных орудий, а в ней нет ни трупов, ни даже крови! Хотя на кой я вам это рассказываю? Сами зайдите и взгляните…

Единственная палуба строймастера не походила на нашу верхнюю. Шкиперская рубка здесь располагалась на носу. Моторный отсек – в самом центре, на месте отсутствующей марсовой мачты. А всю корму занимала вращающаяся башня с подъемным краном, чья стрела при движении машины складывалась вдоль правого борта.

Местный трюм также был теснее, чем у истребителя. Правда, сегодня вместо бура, траншеекопателя, отбойного молота и прочих навесок, что ранее монтировались на выносные консоли «Зигфрида», его утроба была забита продуктами. Из инженерного оборудования на строймастере остались лишь вышеупомянутый кран и грейдерный нож, способный не только расчищать дорогу, но и сметать с нее вражескую пехоту и технику.

Палуба возле резервуара тоже была истоптана гвардейцами, хотя вряд ли они вычерпали все здешние запасы воды. Но отныне жажда Кавалькаде не грозила. Что, впрочем, не отменяло ее планы касательно «Геолога Ларина». Прежде кабальеро стремились к нему как к единственному источнику воды. Теперь главной целью врага стало отрезать от этого источника нас. После чего у нас не останется выбора, кроме как двигаться дальше на юг, к антарктическим озерам. Ну а там, в землях Владычицы, на нас набросятся хищники позубастее, чем остатки конницы дона Балтазара.

Впрочем, в данную минуту отдаленное будущее волновало нас меньше, чем ближайшее. Прояснить последнее мы надеялись, исследовав пострадавший непонятно за какие грехи «Зигфрид».

В лучах света, что проникали внутрь бронеката через бойницы и пробоины, виднелись разбросанные повсюду мечи, а также иностальные луки и арбалеты, многие из которых были повреждены. Но ни трупов, ни их фрагментов действительно не было!

Ну ладно, допустим, что пес Вседержителей или мародерствующие после него гвардейцы решили зачем-то тут прибраться. Но даже перетаскивай они останки тел предельно аккуратно, все равно на палубе, на сходнях и вокруг строймастера остались бы многочисленные следы крови. Но их тоже нигде не наблюдалось. Ни одной, даже маленькой капли, осколка кости или ошметка плоти!

И вот это уже не укладывалось ни в какие рамки!

Разбитое оружие монахов указывало на то, что они не сдались без боя. И что загадочные сверхбыстрые снаряды нашли себе здесь немало жертв. И мы, присмотревшись, разыскали эти снаряды! Вот только загадочного в них было не больше, чем в наконечнике болта

тяжелой баллестирады, разве что хвостовик этих конусообразных штуковин заканчивался четырехлистным стабилизатором.

Снаряды, оставившие дыры помельче, имели пятнадцать сантиметров в длину и весили около полкило. Их крупнокалиберные собратья были в два раза длиннее, а увесистее – раз в шесть. «Крепыши», продырявив один борт, застряли в противоположном. Мелочь вела себя по-разному. Какая-то тоже «надкусила» изнутри обшивку другого борта, а какая-то, пробив первый, лишь ткнулась расплющенным носом во второй и, отскочив, упала на палубу. Оставив аккуратные дыры, сами снаряды изрядно деформировались, и, видимо, поэтому враг не стал их подбирать. По многим из них было трудно определить их первоначальный облик, и нам пришлось перебрать достаточно улик, чтобы как следует изучить их.

Пока Гуго и Дарио ползали по полу, ища хоть какую-нибудь зацепку, что прояснила бы, куда подевались табуиты, Сандаварг толкнул меня в плечо и указал на зияющую в палубной крыше рваную брешь.

– Я, конечно, не такой башковитый, как вот эти двое, – заметил Убби, имея в виду наших сборщиков улик, – но у меня хватает мозгов, чтобы понять: вакт сюда точно не пролез бы. И лапы у него не настолько длинные, чтобы вытащить ими через эту дырку всех монахов. Что думаешь, Проныра?

– Ну… возможно, стреляющие вакты, каких имел в виду мсье Сенатор, не такие крупные, как те, с которыми мы имели дело, – предположил я. – Палубный навес здесь тоньше бортовой брони, и прорваться сюда через крышу проще всего. Пока большой пес ее процарапывал, его мелкие собратья обстреливали жертву из своих орудий. А когда дыра была готова, стрелки вскочили на бронекат, проникли внутрь и…

– Что за чушь ты несешь, Проныра?! Какие такие, загрызи тебя пес, стреляющие вакты?! – перебил меня северянин, скривив лицо, как будто он ненароком проглотил навозную муху. – Мы объехали эту развалюху вокруг и все осмотрели! Ты видел, чтобы к ней подходили следы хотя бы одного вакта?

– Возможно, стая этих тварей пришла по гидромагистрали. Как раз оттуда, куда потом ускакала Кавалькада, – попытался я отстоять точку зрения де Бодье, пускай она, сказать по правде, мне тоже не слишком нравилась. – Поэтому следы и не сохранились.

– Возможно, – проворчал Убби. – Только где ты встречал диких зверей, которые бегали бы в голой хамаде по дорогам? Вакт, конечно, зверь необычный… вернее, он вообще не зверь. Но если бы он путешествовал по дорогам, его бы видели не редкие счастливчики, а тысячи бродяг. И большинство из них – не по одному разу…

– Постойте-ка! – неожиданно всполошился Дарио. И, вскочив с колен, показал нам найденную среди разбросанного оружия мелкую вещицу, оказавшуюся обычной иностальной пуговицей. – До меня, кажется, дошло, чего именно здесь не хватает!

– Тоже мне, научное открытие! – проворчал Убби. – Я это открытие раньше тебя сделал, сразу, как только сюда заглянул! И дураку ясно, чего ты не нашел! Крови да трупов!

– И не только их! – ничуть не смутился Тамбурини. – Никто не спорит, что здесь была бойня, так?.. Но где помимо крови и трупов другие следы этой бойни? Где обрывки одежды и обуви? Где пояса, колчаны и ножны? Где сухари и семечки, что могли высыпаться из карманов разрываемых снарядами людей? На двух мечах, какие мне попались, рукояти должны были иметь деревянные накладки. Мечи выглядят неповрежденными, но накладки с них куда-то исчезли. Зато среди оружия можно найти это! – Дарио выставил ладонь и положил на нее найденную пуговицу. – Или вот это!

Рядом с пуговицей улеглась иностальная зубная коронка, какую Тамбурини подобрал раньше и до сей поры держал в кулаке.

Гуго, занятый колупанием вклепанных в борт снарядов, отвлекся от них и тоже присоединился к нам.

– Иносталь! – воскликнул он, смекнув, куда клонит наш юный друг. – Иносталь осталась, а все остальное бесследно улетучилось! Отродясь не сталкивался с подобным феноменом! Это, несомненно, что-то новенькое и экстраординарное!

– Осталась не только иносталь, мсье де Бодье, – тактично поправил Тамбурини наставника. – И самое яркое тому доказательство – вот оно!

Пуговица и коронка исчезли у Дарио в кармане, а на их месте появились вытащенные оттуда же четки, собранные их черных камушков.

– Я подобрал их у самого трапа, едва мы поднялись на борт, – пояснил пытливый табуит. – Вы, наверное, не поймете, что именно в этих четках выглядит странным, но я вам сейчас все растолкую…

– Одна из моих женщин, у которой я гостил, когда бывал в Гексатурме, часто поигрывала с такой безделушкой, – перебил парня Сандаварг. Вряд ли Убби беспокоила судьба его подруг-монахинь. Северяне-воины никогда не привязываются к женщинам. А тем более странствующие по миру наемники, вроде Убби – к женщинам-южанкам. – Только на той безделушке, кроме черных шариков, были еще белые. Я это точно помню, потому что однажды нечаянно порвал проволочку, которая их связывала. И потом собирал эту дрянь по всей комнате, так как хозяйка очень любила свою игрушку и могла на меня почем зря рассердиться.

Он тяжко вздохнул, помрачнел и потупился. Нет, видимо, я ошибся: все-таки Убби не был полностью равнодушен к монашкам, которые когда-то делили с ним ложе и рожали затем ордену будущих солдат – маленьких северян-полукровок. Конечно, на сильные чувства к ним Сандаварг был не способен, но назвать его вконец черствым ублюдком язык тоже не поворачивался.

– Да-да-да! Они самые – знаменитые четки Зенона, якобы дарующие удачу всем, кто носит их при себе! – закивал ему в ответ Дарио. – Эти четки делал в Гексатурме лишь один мастер – селадор Зенон. Он вытачивал их из черного оникса, а через каждые десять черных бусин вставлял одну белую – из настоящего жемчуга. Жемчуг Зенону приносили братья, промышлявшие собирательством на окраинах Европейского плато. За свою жизнь он понаделал, наверное, сотни таких талисманов. И вы, господин Убби, верно подметили: эти четки – неправильные. На них есть только бусины из оникса, но нет ни одной жемчужины. Вы можете возразить, что это еще ни о чем не говорит, но любой табуит скажет вам – так не бывает! Среди владельцев четок ходило поверье: потерять хотя бы одну бусину, а особенно белую – не к добру! Вот почему бусы всегда насаживали на крепкую проволоку, а не на нить. И обратите внимание: проволочка, что связывает эти камушки, заметно длиннее, чем ей по идее положено быть.

– То есть ты утверждаешь, что жемчуг с четок исчез вместе с трупами и их одеждой, а камни и проволока – остались? – спросил я.

– Иного объяснения нет, – подтвердил табуит. – В этом испорченном талисмане кроется ключ к загадке, над которой мы ломаем голову. Почему исчез жемчуг, и не исчезло все остальное? Да потому что он – органическое вещество, а оникс и иносталь – нет. По той же причине кожаные ремни с костяными пряжками исчезли целиком, а с иностальными – уже без пряжек. И люди пропали неизвестно куда, одетые в куртки без пуговиц и обутые в сапоги с отпавшими подошвами, поскольку гвоздики от них все остались здесь… Я еще не заходил в рубку, но готов поспорить, что вы, шкипер Проныра, не нашли там Атлас, верно?

– Действительно, не нашел. И еще подумал, зачем, дескать, гвардейцам понадобился допотопный Атлас Рубнера, если у них есть самые новые и более точные карты, – признался я, после чего спохватился: – А как же продукты в трюме? Они-то не железные и не каменные, однако все остались в бочках и ящиках.

– Все правильно! – глаза Тамбурини лихорадочно заблестели. Мой контраргумент его вовсе не смутил, а, напротив, придал ему уверенности. – И это означает лишь одно: те, кто напал на «Зигфрид», провели *дезинфекцию* лишь на палубе, а в трюм не совались.

– Чего-чего провели? – набычился Убби. Он был единственным из нас, кому это мудреное слово оказалось незнакомым.

– Тщательную очистку палубы от всего того, чего мы на ней не наблюдаем, – поспешил уточнить Дарио.

Северянина всегда злило, когда собеседник брался говорить с ним на непонятном ученом языке, в котором неотесанный наемник ни бельмеса не понимал. Я тоже ранее не сталкивался с таким понятием, как «дезинфекция». Зато мне были знакомы слова «инфекция» и «дезорганизация». Отняв у второго приставку и прилепив ее к первому, я без проблем решил задачку Дарио и понял, что он хотел нам сказать. Словарная память Убби ничего такого не содержала, да и вообще не имела склонности впитывать бесполезные для хозяина сведения.

– *Desinfection?* – переспросил Сенатор. – *Desinfection* от чего? Неужели от всей органики, включая бедных мадам и мсье табуитов, да простят они мне мой цинизм? Но… зачем вдруг вактам это понадобилось? Если бы земная органика была для них опасна, они не прожили бы в нашем мире и часа!

– Боюсь, господа, здесь все сложнее, чем нам кажется. Гораздо, гораздо сложнее, – помрачнев, подытожил Дарио и покрутил в пальцах талисман удачи Зенона. Или, точнее, талисман неудачи, каким он стал, лишившись всех жемчужных бусин. – Мсье де Бодье верно подметил насчет вактов. Они – высокотехнологичные машины, созданные Вседержителями как раз для нынешних земных условий. Вактам не страшна биологическая угроза в лице человека и среды его обитания. А вот их хозяевам на поверхности нашей планеты есть чего опасаться. Ведь недаром они так редко спускаются с вершин своих Столпов. А нападают на людей еще реже. По крайней мере табуитам о подобных случаях неизвестно, а уж мы-то собрали о пришельцах немало информации.

– Не хочешь ли ты сказать, что здесь побывали сами Вседержители?! – усомнился Убби.

– Я не знаю, – честно признался Тамбурини и развел руками. – Но отсутствие следов на земле и присутствие странных снарядов наводит на мысль, что «Зигфрид» был атакован летучим кораблем Вседержителей. На нем же, судя по всему, прибыл и вакт, чьи когти они использовали для прорыва брони строймастера. Но перед тем, как захватчики вторглись в обиталище людей, они провели здесь тщательную *стерилизацию*…

– Загрызи тебя пес! – Северянин вытаращился на парня так, будто тот вдруг залепил ему пощечину. – Да у тебя мозги вконец перегрелись! Возможно, тела монахов и впрямь уничтожили так, как ты сказал. Но яйца-то им зачем перед этим отрезать?

– Яйца?! – не врубился Дарио и на всякий случай отступил от крепыша-коротыша подальше. – Какие такие яйца, о чем вы? Я ни слова не сказал о яйцах! И даже не намекал ни на что подобное!..

Следующие пару минут наемник и табуит потратили на то, чтобы вновь обрести взаимопонимание. На сей раз Сандаварг споткнулся за тот же камень, только с другой стороны. Это новое, необдуманно брошенное Дарио слово было Убби знакомо. Загвоздка состояла в другом. Ранее северянин слышал о стерилизации не от табуитов, а от коневодов с равнины Демерара, которые называли так одну специфическую ветеринарную процедуру.

Повторно угодивший впросак Убби, однако, не изрек самокритично: «Век живи – век учись!» Он воспринял свою оплошность как истинный северянин. В смысле, порекомендовал Тамбурини то, о чем уже напоминал де Бодье: не выпендриваться и накрепко усвоить, что иногда в разговоре с северянами заумное слово может стать последним словом в жизни того, кто его произнес.

– Ты сказал, что Вседержители редко спускаются со Столпов на своих летучих кораблях, – вернул я к теме получившего очередной жизненный урок парня. – Но за пределами Гексатурма о таких случаях никому не известно. Неужели кому-то из монахов доводилось видеть пришельцев собственными глазами?

– Так и было, – подтвердил Дарио, настороженно косясь на все еще хмурящегося Убби. – Некоторые видели. Вы ведь знаете, что в храме Чистого Пламени мы пользовались многими древними технологиями. И что мои братья часто надевали дыхательные маски, подсоединяли к ним баллоны со сжатым воздухом и поднимались на вершины плато. Довольно часто эти смельчаки забредали так далеко, как никто в Атлантике давным-давно уже не способен. Там-то они и встречались со Вседержителями. За последние полторы сотни лет это происходило трижды.

– И какие же они – Вседержители? – спросил заинтригованный, как все мы, Гуго.

– Они похожи на нас, что само по себе любопытно. Хотя наши ученые и прежде высказывали мысль, что пришельцы, использующие «механические» технологии, могут иметь много точек соприкосновения со здешними формами жизни. В том числе – в строении тел высших представителей земной и инопланетной природы.

– С точки зрения механика, я бы не назвал конструкцию человеческого тела удачной, – заметил Сенатор. – Хотя эволюции, конечно, было в свое время виднее.

– Вседержители напоминают нас лишь в общих чертах, – продолжал Тамбурини. – Во-первых, их рост достигает трех метров. А во-вторых, для перемещения по земной поверхности они используют тяжелые, громоздкие скафандры и глухие шлемы без смотрового стекла. В отличие от самих Вседержителей, их летучие корабли мы видели только издали. Всегда, как только пришелец замечал человека, он доставал какой-то гудящий прибор и грубо отгонял нас. По крайней мере наши исследователи истолковали эти действия как вполне весомую угрозу. А от гудения того прибора всем становилось дурно, и кожа потом на несколько дней покрывалась сыпью.

– То есть дружеское общение между вами и Вседержителями не состоялось? – догадался я.

– Разумеется, мы всячески пытались выйти на контакт. Но увы – так же, как в год Всемирного Затмения, пришельцы категорически отказывались делать это. Впрочем, наблюдать за ними издали нам не возбранялось, и мы составили о них кое-какое общее представление… Если хотите, я расскажу об этом поподробнее. Только место для такой беседы здесь не самое подходящее. Может, сделаем это на «Гольфстриме», за ужином?

– Боюсь, что сегодня за ужином у нас не будет времени на разговоры, – ответил я и глянул в бойницу на багровеющее солнце, что почти достигло западного склона котловины. – Готовьтесь. Впереди нас ждет бессонная и трудная ночка. Никто не будет сидеть без дела, обещаю. Скажу больше, я был бы не прочь привлечь к работе даже дона Балтазара, поскольку лишняя пара рук нам сегодня не помешала бы. Вот только гордый сеньор кабальеро вряд ли согласится замарать с нами за компанию руки.

– Не осмеливался спросить вас прежде, мсье шкипер, – оживился де Бодье, – но раз вы сами завели об этом речь… Нужно ли понимать, что вы хотите демонтировать с «Зигфрида» Неутомимого Трудягу?

– Совершенно верно, *mon ami!* Мы с вами не в том положении, чтобы проехать мимо бесхозного двигателя безостановочного вращения – ДБВ и не подобрать его. Ни один перевозчик в мире не упустит такой шанс, если обстановка позволяет, – обнадежил я Сенатора. – А если у кого-то есть возражения или замечания, высказывайте их сейчас, пока мы не приступили к работе.

– Я так понимаю, что это – не дружеская просьба, а деловое предложение. – Красно-кожий наемник быстро учуял, откуда дует ветер. – Я помогаю вам снимать вашего Трудягу, а ты не забываешь обо мне, ежели тебе повезет найти на него покупателя.

– Не «вашего», а нашего Трудягу, – поправил я северянина. – У тебя на него столько же прав, сколько у прочих членов команды. Кроме, разумеется, моего единоличного права взять с ваших долей прибыли шкиперский процент… Конечно, если такое время вообще когда-нибудь наступит. Так что не будем пока об этом. Давайте сначала сделаем дело, а дальше будет видно.

– Насколько я знаком с вашими законами, – неуверенно подал голос Тамбурини, – у вас принято подбирать брошенную, но способную двигаться технику целиком, а не расклепывать ее на части. Ведь всегда может объявиться тот, кто захочет выкупить вашу находку. Например, ее чудом оставшийся в живых хозяин или его правомочные наследники… Нет, я не возражаю, я просто… хочу уточнить кое-какие детали.

– Да, такое правило есть. Перевозчик, завладевший утерянной в хамаде техникой, должен дать шанс ее бывшему владельцу, если таковой вдруг отыщется, вернуть свою собственность, – не стал я отрицать. – Но в законе имеется оговорка. Брошенный бронекат не разбирается на месте, если среди отыскавших его перевозчиков есть те, кто способен им управлять Если же таких людей в команде нет, шкипер волен поступать по своему усмотрению. У нас, как видишь, людей раз-два и обчелся. Поэтому судьба «Зигфрида» предрешена и не обсуждается. Но даже будь ты способен заменить мсье де Бодье на его посту, я не отправил бы его управлять нашей находкой по одной причине. Этот строймастер уже накликал на себя гнев Вседержителей. И накличет его на нас, если мы пойдем в одном конвое.

– Хотелось бы мне ошибаться, шкипер Проныра, – заметил продолжающий робеть Тамбурини, – но, боюсь, причина гибели «Зигфрида» не является такой уж большой загадкой. Он погиб из-за нас!

– Это еще почему? – удивился я. – Никто не спорит, что нападение Вседержителей на людей – экстраординарное событие! Но если задуматься, что в нем такого невероятного? Живущим возле дороги термитам тоже может казаться, что человеку нет до них дела, раз проезжающие мимо бронекаты не причиняют им вреда. Но если однажды какой-нибудь перевозчик шутки ради раздавит колесом термитник, разве это будет означать, что все перевозчики мира вдруг возненавидели этих насекомых? Хотя, конечно, термитам покажется именно так. Почему пришельцы нападали на нас, мы в курсе. Но с таким же успехом они могут атаковать любой другой бронекат. Просто, как я уже сказал, шутки ради. И мы тут уже ни при чем.

– Если Вседержители напали на «Зигфрид» с целью покуражиться и посмотреть, что у него внутри, почему они осмотрели лишь палубу, но не стали спускаться в трюм? – возразил мне странным вопросом Дарио.

– Да мало ли, почему… – Я замешкался, не понимая, куда он клонит. – Может, на палубе они разузнали все, что нужно, и на том решили закруглиться.

– А может, целью пришельцев был поиск чего-то конкретного? Например, некоего крупногабаритного и тяжелого предмета? Такого, что мог поместиться на палубе строймастера, но не влез бы к нему в трюм. Вот почему трюм налетчиков и не заинтересовал.

– Ты полагаешь, летучий корабль Вседержителей охотится за нашим контейнером и по ошибке атаковал другой бронекат?

– А вам кажется, что подобное невозможно?

Я не нашелся что ответить и задумчиво почесал макушку.

– Поди ж ты! – усмехнулся Убби. – Готов признать, в забитой хламом башке нашего грамотея порой рождаются толковые мысли. А ты случайно еще не придумал, парень, как нам расправиться с этой летучей развалюхой, если она и до нас доберется?

Дарио зябко поежился и огорченно помотал головой.

– Пока что мы знаем одно: легкие орудия Вседержителей пробивают двухсантиметровую броню, но двойной ее слой пробить не могут, – рассудил я, указав на продырявленные борта. – Тяжелые орудия пробивают двойную преграду, но их снаряды вязнут в ней и дальше не пролетают. Толщина бортов истребителя пять сантиметров, а обшивки рубки и моторного отсека – все восемь. Поэтому от обстрела мы худо-бедно защищены. Осталось решить, как нам отбиться от десанта и не позволить ему отрезать наши яйца… пардон – подвергнуть «Гольфстрим» стерилизации. И вот тут мне никакие мысли пока в голову не приходят. Поэтому предлагаю не тратить время на болтовню, а перекусить и приступить к работе. Чем раньше начнем, тем раньше закончим и уедем из этого проклятого места…

Удачно, что полнолуние настало именно сегодня. Двигаться по хорошей дороге при неполной луне еще можно, а вот заниматься мародерством – вряд ли. А особенно трудоемким мародерством, какое предстояло нам.

Снимать с «Зигфрида» его главную ценность – двигатель безостановочного вращения – следовало в последнюю очередь. Без ДБВ кран, лебедки, резаки и помпа строймастера переставали функционировать, а мы еще собирались ими воспользоваться. Поставив «Гольфстрим» рядом с «Зигфридом» так, что они практически соприкоснулись колесами, я посадил де Бодье за пульт управления краном, а мы с Убби заделались стропальщиками. Перво-наперво сняли с мостика и выбросили за борт обломанную верхушку мачты. Расставаться с ней было не жаль. После аварийного сноса мачту уже не восстанавливают, а заменяют новой. Суждено ли мне дожить до этого дня или нет, одной богине Авось известно, но пока придется обходиться без марса. Что, конечно, рискованно, но все же не смертельно.

Избавившись от громоздкого обломка, взялись за контейнер с «черной грязью». Трогать его лишний раз не хотелось, но возить тяжелый груз в таком нетранспортабельном положении – торчащим наискось в пробитой им же дыре, – тоже небезопасно. Поплевав на руки, мы прицепили стропы к опоясывающим ящик хомутам с проушинами и стали мало-помалу вытягивать его из пробоины.

Вскоре столкнулись с первыми трудностями. Раньше на контейнере не было крепежных приспособлений – табуиты присобачили их уже после того, как мы доставили груз в храм Чистого Пламени. Однако от удара о палубу хомуты сбились и перекосились. А когда кран «Зигфрида» потянул двенадцатитонный куб вверх, сделанные на скорую руку крепления попросту отвалились.

Хорошо, что ящик к этому моменту был извлечен из пролома и отнесен чуть вбок. Благодаря этому он грохнулся не обратно в дыру, а рядом с ней. Само собой, грохнулся не так сильно, как в предыдущий раз. Сейчас он висел всего в полуметре над палубой, и второй пробоины в ней, к счастью, не появилось.

Прочность контейнера, который был выкопан несколько веков назад из недр планеты Марс, затем доставлен на Землю и пережил все дальнейшие катаклизмы, оказалась достаточной, чтобы пережить и эту легкую встряску. Вот только цеплять его краном больше было не за что. Впрочем, это уже не представляло для нас неразрешимую задачу. Теперь, когда мы выдернули из «Гольфстрима» эту «занозу», куб стало можно волочить с помощью нашей грузовой лебедки. Что мы и сделали, опутав его тросом и отбуксировав с носовой палубы к обломанной мачте. Сразу за ней контейнер и пристроили, застопорив его так, чтобы он не сдвинулся с места при большом крене бронеката.

Между тем Долорес и Дарио, пригласив с собой Физза (чему тот безмерно обрадовался и даже засиял в ночи от счастья ярче обычного), отправились перебирать содержимое трюма строймастера. А также пополнять наш резервуар, перекачав в него помпой остатки воды из резервуара «Зигфрида». Кавалькада вычерпала его запасы лишь на три четверти. И последняя из них должна была компенсировать нам ту воду, что мы выпили за минувшие полме-

сяца. Можно было не сомневаться, что трофейная вода не отравлена, хотя при иных обстоятельствах гвардейцы устроили бы нам такую подлянку. Но только не сегодня, когда дон Риего-и-Ордас пил с нами из одного бака, о чем его *compañeros*, безусловно, не забывали.

По той же причине они не подсыпали яд в провизию, какую Малабонита и Тамбурини отобрали в трюме строймастера и перетащили к нам. Монахи убегали из Гексатурма в большой спешке и запасались едой без особого разбора, хватая со складских полок все подряд. Мы тоже спешили и трудились без передыху, но у нас было время перегрузить к себе часть припасов Рубнера. А чтобы не забивать наш трюм чем попало, Долорес отбирала лишь самые необходимые и свежие продукты. Ради чего ей и Дарио пришлось вскрыть все ящики и в свете фосфоресцирующего Физза осмотреть, а также обнюхать их содержимое.

Как я говорил, никто не остался без работы. Из-за аврала нам пришлось обойтись без дозорного, чьи обязанности мы поделили между собой. Сенатор по мере сил следил за округой с пульта управления краном. Мы с Убби, бегая по палубе, также периодически выглядывали за борт. Малабонита и Дарио бросали взоры на озаренный луной горизонт, перетаскивая с бронеката на бронекат помповые шланги и продуктовые ящики… И у всех на уме были схожие мысли: прав или нет Тамбурини в том, что Вседержители уничтожили «Зигфрид» по ошибке и что на самом деле они охотились на нас…

Когда в инструментах строймастера отпала надобность, настал черед и его Неутомимого Трудяги. Последнее, на что ушли силы этого ДБВ, прежде чем он был отсоединен от трансмиссии – перепиливание креплений станины, которая удерживала на себе двухтонный агрегат. Такой грубый демонтаж объяснялся тем, что даже Убби не сумел открутить вручную огромные крепежные гайки. Что его, привыкшего во всем добиваться победы, изрядно разозлило. И кабы нас не поджимало время, он рычал бы от натуги и ломал гаечные ключи, пока либо не сорвал бы проклятые гайки, либо не перепортил нам весь инструмент.

Прислушавшись все же к моим мольбам сжалиться над оборудованием, изрыгающий проклятья северянин подпустил-таки к нему топчущегося позади Сенатора. Ярый противник подобного варварства, Гуго тоже был вынужден отступить сегодня от своих «технолюбивых» принципов. Он насадил на гибкий раздаточный вал механическую пилу по металлу (отрадно, что Рубнер не забыл прихватить с собой этот незаменимый в дороге инструмент) и, не доверив ее мне, приступил к работе. Я не протестовал. Обращение с такой техникой требовало аккуратности, и опытные руки механика справятся с ней лучше моих, более привыкших к штурвалу, картографическим приборам и карандашу.

Пока Гуго отсоединял раму Трудяги от каркаса «Зигфрида», мы с Сандаваргом развернули грузовую лебедку и протянули трос с одного бронеката на другой. В обычных условиях ДБВ на бронекатах снимаются краном через специальные потолочные люки в моторных отсеках. Но в полевых условиях каждый справляется с этой задачей как может. Нам повезло, что на инженерных машинах двигатель был установлен в центре палубы, прямо напротив трапа. Это облегчало нам демонтаж, позволив просто вытащить ДБВ по сходням волоком.

Поскольку все Трудяги работают безостановочно, перемещать их без станины проблематично. Этому мешает вращающийся на главном (и единственном) валу маховик, да и весит Трудяга, даже самый мелкий, немало. Но, водруженный на станину, он в придачу к ней получает и салазки, на каких его можно буксировать лебедкой на небольшое расстояние. Это мы и собирались проделать, стянув ДБВ на землю, а затем так же по трапу втащив его на «Гольфстрим». Ну а там для важного «гостя» – не такого важного, как дон Балтазар, но тем не менее, – было уже освобождено местечко, где он сможет храниться до поры до времени, никому не мешая.

В загашнике у Рубнера почему-то не оказалось предохранительного кожуха для двигательного маховика. Но у скопидома Сенатора, который был крайне щепетилен в вопросах техники безопасности, такая штуковина всегда лежала про запас. Установив кожух на отсо-

единенный от трансмиссии маховик, дабы он не нанес кому-нибудь травму, Гуго перепроверил, как мы опутали станину тросом и надежно ли тот закрепили. И только после этого дал добро на перемещение Трудяги к новому, пока что временному, месту жительства…

Я – перевозчик в третьем поколении, и я всегда бываю растроган, глядя, как Трудяг извлекают из утроб бронекатов. Наверное, нечто подобное чувствуют кочевники, когда им приходится вырезать еще теплое сердце из груди сломавшей лодыжку лошади.

Вот, казалось бы, едет себе бронекат. В нем вовсю гудит ДБВ, крутятся шестерни, вращаются валы, двигаются туда-сюда тяги и штанги, лязгают и скрежещут механизмы… Их шумная суета вызывает в колесной махине вибрацию, в которой легко можно ощутить пульс самой настоящей жизни… Даже когда бронекат останавливается, в нем продолжает пульсировать жизнь. Его иностальное сердце, так же как сердце биологического существа, способно работать без остановки в течение всего отмеренного ему судьбой срока. Но едва Неутомимый Трудяга отключается от всех систем и покидает моторный отсек, бронекат превращается в мертвую, недвижимую конструкцию, пригодную разве что для использования ее в качестве оборонительного укрепления…

…Или же он становится грудой брошенного на краю света металлического хлама, как это произошло с «Зигфридом». Говоря по совести, это не Вседержители, а мы нанесли ему последний, смертельный удар. Но разве мы могли поступить иначе? Разве бросит тот же кочевник в хамаде добитую им павшую лошадь, не срезав у нее с костей мясо?..

Все запланированные нами работы были завершены с первыми рассветными лучами солнца. Переправленный на «Гольфстрим» ДБВ занял отведенное ему место и был надежно привязан тросами к бортовым шпангоутам. А также накрыт тентом, поскольку держать на виду этакое сокровище было бы не слишком разумно. Определить степень его износа могли только опытные клепальщики, но Дарио припомнил, что замена двигателя на строймастере проводилась на его памяти. Когда Тамбурини-младшему исполнилось лет семь или восемь, отец учил его читать карты именно по бортовому Атласу «Зигфрида». И все потому, что Рубнеру Атлас был в тот момент не нужен, поскольку альт-селадор проводил капитальный ремонт бронеката перед установкой на него нового Трудяги. Заменить им наш двигатель, чей срок службы исчислялся уже семьюдесятью годами, я не мог. Мощность ДБВ строймастера была раза в полтора меньше, равно как его габариты. Но на рынке Атлантики за такой сравнительно новый экземпляр я мог при необходимости выменять тридцатилетний движок нужного мне класса. Правда, потом мне придется выплатить Гуго, Убби и Дарио причитающуюся им с этой сделки долю уже из собственного кармана…

Впрочем, все это были лишь далекие от реальности мечты. А пока, сняв фуражку, я стоял в скорбном молчании на опущенном трапе строймастера. И, отдавая ему посмертные почести, мысленно пообещал, что буду рассказывать о «Зигфриде» в каждой встреченной нами артели Стервятников. Возможно, какая-нибудь из них заинтересуется брошенным бронекатом и отрядит сюда экспедицию. И окажет ему почести по всем правилам – разберет его на запчасти и не позволит этому творению рук человеческих бесславно сгинуть под наносами песка…

Глава 4

Катиться по дну бывшего Красного моря с тем же комфортом, с каким мы ехали по Суэцкой котловине, уже не получалось. Прежде всего потому, что дно у этой протяженной на юг впадины было довольно своеобразным. В центре по всей ее длине тянулся гигантский разлом, о глубине которого ни табуиты, ни мы даже не догадывались. Он был не таким широким (а значит, и не таким глубоким), как самый знаменитый разлом Атлантики – Пуэрто-Риканский. Но поскольку увидеть его противоположный берег также не удавалось, с виду эти две бездны ничем не отличались одна от другой. Кроме, пожалуй, одной детали: в Красный разлом солнце заглядывало лишь днем, а лежащий вдоль двадцатой параллели Пуэрто-Риканский оно освещало от рассвета до заката.

Мы не могли измерить ширину Красного разлома, чего нельзя было сказать о его длине. Здесь он обыгрывал атлантического «чемпиона» раза в полтора. Нам предстояло проехать по его восточному берегу из конца в конец. И на сей раз нас ожидали иные впечатления, нежели при путешествии по Суэцкому проходу и котловине.

Между подножием Африканского плато и бездной оставался горизонтальный промежуток шириною в среднем около трех километров. Это и был так называемый Змеиный карниз, по которому пролегала гидромагистраль табуитов. Кое-где он сужался до полукилометра, но места для разворота на нем хватало даже танкеру. А карнизом это побережье назвали в сравнении с уходящими в небеса склонами плато и колоссальным разломом. Разделяющая их полоса ровной земли и впрямь выглядела узенькой горной тропкой.

Дышалось здесь уже полной грудью, и о «горной болезни» больше никто не вспоминал. По этой причине Кавалькада прекратила наконец жалеть коней и, пришпорив их, рванула вперед с еще большей прытью. Когда мы, выехав на карниз, отыскали следы копыт, те уже почти занесло песком. И потому нам оставалось лишь горестно вздохнуть и смириться с мыслью о том, что наша встреча с «Геологом Лариным» тоже не будет предвещать ничего хорошего.

Как и любая пролегающая вдоль подножия плато дорога, Змеиный карниз представлял собой неравномерную череду подъемов и спусков. Где-то плавных, а где-то крутых, но не настолько, чтобы их не преодолел залитый под горловину танкер. У края бездны дорожные изгибы становились более пологими, но я опасался подъезжать к ней ближе, чем на выстрел «Сембрадора». Береговую кромку усеивали трещины, среди которых попадались довольно внушительные. Из-за них она постоянно обваливалась, и еще сотню лет назад карниз был явно шире, чем теперь. И курсирующий по нему танкер емкостью шесть тысяч литров отнюдь не способствовал сохранности этого кратчайшего маршрута между Средиземноморьем и Индианой.

Для меня, Гуго и Дарио езда по пересеченной местности стала продолжением нашей напряженной трудовой ночи. Вчерашнее скольжение под горку по гладкой дорожке казалось сегодня сладостным сном. Здесь переключать скорости приходилось так часто, что, даже сменяя друг друга у рычагов, механики едва успевали переводить дух. Моя работа тоже была не мед. Мало того, что я все время орал, срывая голос, в переговорную трубу, так еще и на принятие решений мне отводилось мало времени. Дабы не терять инерцию – наш главный козырь на каменистых подъемах, – я не мог сбавлять скорость всякий раз, когда хотел осмотреться. Въехав на очередную возвышенность, я должен был за считаные секунды сориентироваться в обстановке, прикинуть, на какую передачу перейти, отдать приказ механикам и повернуть штурвал в нужную сторону. Неудивительно, что уже к полудню я чувствовал себя вконец измотанным, а впереди у нас был еще целый день подобных скачек.

Убби и Долорес приходилось легче всех. Северянин, экономя силы, натянул на носовой палубе гамак и, наплевав на качку, завалился спать. Малабонита тоже не слишком перетруждалась на своем новом наблюдательном посту – крыше рубки. Горы справа и пропасть слева сужали сектор обзора настолько, что я мог и сам держать под контролем впередилежащий путь. Моей Радости оставалось лишь приглядывать за тылом и за небом, откуда на нас мог внезапно спикировать летучий корабль пришельцев.

Мне не терпелось расспросить Дарио о том, что известно ордену о Вседержителях, но нельзя было оставлять Сенатора на посту одного. Я не имел права заставлять де Бодье работать на износ. Да и что полезного дадут мне эти рассказы о пришельцах? Знай Тамбурини способ, как нам от них отбиться, он уже просветил бы нас в этом вопросе. Ну а просто расширять собственный кругозор сейчас не самое удачное время…

Несмотря на болтанку, в целом день прошел спокойно. Монотонный пейзаж, который я наблюдал с самого утра из окон рубки, обогатился к вечеру всего одной новой деталью – далекими очертаниями Столпа. Со времени нашего бегства из Гексатурма это был уже четвертый замеченный нами Столп. И – первый, мимо которого «Гольфстриму» предстояло проехать на таком близком расстоянии. Еще сутки назад я не испытал бы по этому поводу особой тревоги. Но после гибели «Зигфрида» я глядел на далекую башню Вседержителей и чувствовал внутри предательские отголоски паники. Я поборол бы их, будь у нас возможность не приближаться к громадине, как это было в трех предыдущих случаях. Но свернуть со Змеиного карниза невозможно. А Столп уходил в поднебесье прямо из глубин бездны и, к несчастью, находился неподалеку от ее восточного берега.

Месторасположение Столпа не позволяло табуитам подбирать опадающую с него иносталь, поскольку вся она канула в разломе. Это гарантировало, что завтра нам на палубу не свалится шальной обломок весом в несколько тонн. Но я многое бы отдал, чтобы нам угрожала лишь эта и никакая другая опасность. Потому что кусок столпового металла мог просвистеть и мимо, а снаряды Вседержителей – уже вряд ли.

Отоспавшиеся за день, бодрые Убби и Физз заступили на ночную вахту. А мы, напротив, наскоро отужинали и, попадав с ног, заснули, словно убитые. Раннего подъема назавтра не планировалось. Более того, я намеревался дать команде пару лишних часов на сон. Грядущий день ожидался не менее напряженным, и всем нам потребуется много сил. А где их взять, если мы будем мучить себя недосыпанием? Беспокойство за команду «Геолога Ларина» отошло для нас на второй план. Как только у нас на пути опять появились Вседержители, нам придется бояться прежде всего за себя, лишь потом за союзников. Тем более что они тоже двигались по хамаде на бронекате и могли в случае чего за себя постоять.

Из-за моей необычайной щедрости мы пробудились не как было принято – в предрассветных сумерках, – а когда солнце уже показалось над горизонтом. Утро выдалось прохладным и безмятежным, вид на разлом отсюда открывался восхитительный, и мне даже пришла в голову мысль загнать «Гольфстрим» в тень какой-нибудь скалы и устроить всем полноценный выходной. А, чего уж там, гулять так гулять!..

Однако, глянув на маячивший в рассветной дымке Столп, я отложил эту идею на потом. Попробуй-ка тут расслабиться, когда неподалеку расположен оплот наших могущественных врагов! Нет уж, перво-наперво уберемся подальше и только тогда сможем задумываться об отдыхе. Хотя, с другой стороны, если вдруг нам не повезет нарваться на хозяев Столпа, будет обидно погибнуть, не насладившись напоследок теми прелестями жизни, какие были нам сегодня доступны.

Позавтракав, тронулись в дальнейший путь. Несмотря на погожее утро и величественную панораму, настроение у всех было неважное. Гуго и Дарио опять работали, сменяя друг друга. Но сегодня тот из них, кому выпадала очередь отдыхать, не плюхался в гамак, а поднимался на палубу и с тревогой смотрел на приближающийся Столп. Убби тоже не завалился

спать сразу после дозорной вахты, а торчал на мостике вместе со мной и Малабонитой и, погруженный в мрачные думы, глядел вдаль.

С каждым часом Столп виднелся все отчетливее и увеличивался в размерах. Вместе с этим он понемногу смещался влево, поскольку Змеиный карниз огибал его с западной стороны. Из нас лишь Дарио мог пересчитать по пальцам все Столпы, которые он повидал вблизи за свою пока недолгую жизнь. Прочие, а особенно я, побывали на своем веку практически у каждого доступного человеку Столпа Атлантики. А возле некоторых – не по одному разу. Но даже имея за плечами опыт, я знал: Столп Красной бездны я запомню до конца своих дней, даже если мы минуем его благополучно.

Еще ни один Столп не повергал меня в такую нервозность. Ранее я всегда приближался к иностальным башням и радовался. Обосновавшиеся возле них Стервятники знали Еремея Проныру Третьего как друга и старого делового партнера. В каждой их артели нас ожидал радушный прием, лучшая выпивка и мягкие кровати. И, разумеется, выгодные контракты, поскольку у торгующих иносталью Стервятников деньги всегда водились.

Э-хе-хе, где же вы теперь, те славные, благодатные времена, когда я радовался новому восходу солнца просто так, от чистого сердца, а не как сегодня: лишь потому, что нам повезло дожить до утра…

По мере приближения к Столпу дорога начала сужаться и напротив него усохла почти до полукилометра. То, что самый опасный участок Змеиного карниза располагался здесь, было не случайно. Внутри башен безостановочно шли неведомые нам активные процессы. Они, а также отпадающие от Столпов ненужные детали, которые они сбрасывали с себя, будто змея кожу, сотрясали землю на многие километры вокруг. Эта длящаяся не одно столетие дрожь пагубно влияла на склоны разлома. Чем ближе они находились к Столпу, тем быстрее разрушались. Он не касался края карниза, но все равно оттяпал от него изрядный кусок. И по сей день мало-помалу выбивал оттуда камни, скармливая их вместе с иносталью ненасытной бездне.

Даже сузившись в шесть раз, дорога оставалась пригодной не только для истребителя, но и танкера. И все равно смотреть на надкушенный карниз было жутковато. Особенно когда на него падала тень Столпа. Его основание терялось во мраке бездны, а вершина маячила так высоко, что, глядя на нее, мы задирали головы и таращились в зенит. Уж на что были огромны ныне разрушенные башни Гексатурма, «Гольфстрим» рядом с ними хотя бы не казался блохой. На фоне же Столпа, бездны и склонов плато других сравнений для нас попросту не напрашивалось.

– Летит! – внезапно воскликнула глазастая Малабонита и забарабанила по крыше рубки. – Он летит, *Mio Sol!* Стреляющий корабль!

– Точно! Вон он, этот кусок песьего дерьма! – всполошился следом за ней Убби. – Ну давай, налетай, а то я тебя уже заждался!

– Да чтоб вас!.. – Не выпуская штурвал, я высунулся из окна рубки. И правда, нечто огромное и стремительное неслось к земле вдоль северной стороны башни. Какой величины был уничтоживший «Зигфрид» корабль Вседержителей, мы могли лишь догадываться. Раз на нем поместился вакт, значит, эта летучая хреновина обладала солидными габаритами. Замеченный Долорес снижающийся объект тоже был достаточно крупный. Высота и разделяющее нас расстояние не позволяли определить его точные размеры. Но если он вдруг решит приземлиться у нас на палубе, боюсь, на ней уже не останется свободного места.

Однако кое-что при виде этого объекта меня сразу смутило. Вот почему я и не отдал приказ готовиться к бою – слишком уж нелепо выглядела эта воздушная атака.

Я допускал, что пилоты-пришельцы могут взлетать и снижаться на таких скоростях, при которых человека размазало бы по стенке. Но чтобы во время подобных маневров их корабли вдобавок кувыркались в воздухе, показалось мне настоящим абсурдом. Даже если

экипаж и вакт будут при этом надежно зафиксированы, зачем вообще подвергать их лишней болтанке? Тем более при наличии двигателей, чьей мощности хватает, чтобы поднять и удерживать в воздухе такую конструкцию.

– Отбой тревоги! – скомандовал я, провожая глазами напугавший нас обычный обломок иностали, что оторвался от Столпа и упал в пропасть именно сейчас, не раньше, не позже. – Это не корабль! Это всего лишь крупная «падалица»!

– Вот дерьмо, загрызи меня пес! – прорычал Сандаварг, досадуя, что поддался на невольную провокацию Малабониты. – А издали выглядит ну прямо как настоящая летучая развалюха! Не знаю, как вы, а я ее, заразу, именно такой себе и представлял!

– Откуда мне было знать, как эта дрянь выглядит, если мы ее прежде не видели? – взялась оправдываться оконфузившаяся Долорес. – Сами понимаете: в таком деле лучше десять раз поднять напрасный шум, чем один раз проморгать реальную угрозу!

Угроза – теперь уже реальнее некуда – нарисовалась, откуда мы ее, признаться, перестали ждать – с земли, прямо по курсу. Впрочем, эта опасность была для нас настолько привычной, что здесь, вдали от цивилизованного мира, ее, наверное, можно было и вовсе назвать родной. По крайней мере, при виде ее мы не только не испугались, но даже обрадовались.

Кавалькада! Причем не мелкая дозорная группа, а, похоже, весь отряд в полном составе…

Какая неожиданная встреча! Вот с кем мы сегодня не планировали свидеться, так это с Кавалькадой, которой вроде бы пора было убраться уже далеко отсюда. И тем не менее она находилась здесь. А значит, «Геолог Ларин» получил отсрочку от встречи с ней как минимум на сутки.

При желании кабальеро могли бы спрятаться от нас, рассеявшись и затаившись в складках местности, а ветер уже через час замел бы песком все отпечатки конских копыт. Но всадники и не думали маскироваться. Спешившись, они привязали коней к скалам у склона плато, а сами как будто расположились на привал. Причем довольно давно, если брать во внимание разницу наших скоростей. Скачущие во весь опор гвардейцы прибыли сюда вчера где-то в обед. И причина, вынудившая их задержаться близ Столпа, наверняка была уважительной.

Нам прятаться от врагов не имело смысла. Они заметили «Гольфстрим» гораздо раньше, чем мы – их. Это сделала группа кабальеро, что взобралась довольно высоко на склон плато. Она даже не думала таиться и вообще не походила на дозор. Некоторые из скалолазов перекатывали с места на место увесистые валуны, используя в качестве рычагов древки иностальных пик. Что эти ублюдки сооружают, хотелось бы знать? Явно не западню. Устроить обвал, который перекрыл бы карниз по всей ширине, им не под силу. К тому же при нашем появлении всполошились и вскочили на коней лишь те гвардейцы, какие находились у подножия плато. Рабочие же на склоне продолжали трудиться как ни в чем не бывало.

Я велел де Бодье сбавить скорость, а сам, вывернув штурвал влево, отвел на всякий случай истребитель подальше от склона. Оседлавшие рапидо гвардейцы взяли заодно под уздцы лошадей тех соратников, что таскали наверху камни, и приготовились броситься врассыпную, если мы надумаем дать им бой. Но я пока этого не планировал. А вскоре вообще перестал на них смотреть, поскольку нам внезапно открылась причина, которая остановила Кавалькаду. И не только остановила, но и заставила ее заниматься странной на первый взгляд работой.

– Стоп колеса! – приказал я механику сразу, как только сообразил, в чем дело. «Гольфстрим» выехал на очередную возвышенность и остановился, не добравшись до гвардейского трудового лагеря три сотни метров. – Мсье де Бодье! Будьте добры, поднимитесь на мостик! Мне надо кое-что вам срочно показать!

Разглядеть издалека возведенную у нас на пути искусственную преграду было не так-то просто. Она представляла собой сплошную решетку, собранную из иностальных прутьев. Вдобавок накрывшая карниз тень от Столпа делала сетчатую конструкцию практически невидимой на песчаном и скальном фоне. Высота решетки не превышала пятнадцати метров. Прутья ее были толщиной в палец, а в квадратные ячеи между ними мог бы пролезть человек, но не лошадь. Ограждение протянулось от самой бездны до склона плато и удерживалось без единой промежуточной опоры! Лишь по краям барьер крепился ко вмурованным в камень квадратным иностальным колоннам. Причем западная колонна торчала гораздо выше восточной: там, где склоны плато становились практически отвесными. Из-за этого правая половина решетчатой полосы уходила вверх, в точности повторяя своими вертикальными изгибами все неровности местности.

Непрактичное и неустойчивое, с точки зрения человека, сооружение тем не менее стояло ровно, без единого перекоса. Чтобы натянуть такое длинное заграждение, подобно струне, к нему следовало приложить усилия трех или четырех танкеров. А чтобы они при этом не выдрали крайнюю опору, ее следовало врыть в землю на добрые полсотни метров. После чего проделать то же самое со второй опорой, причем на высоте, куда уже ни один бронекат не взберется. Короче говоря, в этот проект было вбухано куда больше сил и средств, чем их ушло бы на постройку обычного высокого забора.

Разумеется, что ни танкеры, ни батальон землекопов в строительстве загадочного заслона не участвовали. Одного взгляда на него хватало, чтобы определить: он возведен не по земным технологиям и явно не людьми. Решеточные прутья были не скреплены со столбами и друг с другом, а являли собой единое целое. Они словно вырастали из опор этакой сеткой, вырезанной из цельной металлической ленты. И ленты настолько прочной, что она, развернутая на полкилометра, не сгибалась под собственной тяжестью!

Поднявшийся на мостик Сенатор добрых пять минут взирал на это конструкторское чудо, разинув рот и не проронив ни слова. Затем плеснул себе из фляжки воды на разгоряченную от усиленных раздумий голову, промокнул плешь носовым платком и молвил:

– Скажите, мсье шкипер, как человек, побывавший во всех уголках мира: вам доводилось прежде сталкиваться с подобными заграждениями, вырастающими у вас на пути словно из ниоткуда?

– «Гольфстрим» сталкивался на своем веку со множеством препятствий, *mon ami,* – ответил я. – Но их происхождение было, как правило, очевидным. Либо это природа строила нам козни, либо чересчур самоуверенные злоумышленники. Здесь же, сами видите, постарались злоумышленники, против которых даже земная природа бессильна… Честно говоря, я подумал, что вы, знаток всяческой техники, подскажете нам, какую цель преследовали Вседержители, когда городили этот забор.

– Вряд ли в мире найдется человек, которому могут быть известны цели пришельцев, – удрученно заметил де Бодье. – Одно могу сказать: для остановки бронеката барьер чересчур хлипок. Развив предельную скорость, «Гольфстрим» прорвет эту сетку тараном с одного удара и потом просто сомнет ее колесами.

– Тогда для кого же предназначена эта решетка? Неужели для Кавалькады?

– Ну, разве только она тоже везет с собой маленький ящичек «черной грязи»… Нет, кабальеро тут ни при чем. А иначе за минувшие сутки, что они торчат у забора, Вседержители уже навели бы здесь *desinfection*... Кстати, кто-нибудь подскажет мне, что гвардейцы делают на горе, а то мне отсюда плохо видно.

– Кажется, собирают на склоне валуны и там же сваливают их в кучу, – просветила механика Малабонита. – Очевидно, придумали способ, как им прорваться за ограждение. Насыпь, что ли, хотят возвести? Только сейчас у них, похоже, началась сиеста. Никто не работает, все расселись и пялятся на нас.

– Ага, как же – сиеста! – усомнился Сандаварг. – Я-то знаю, о чем эти песьи дети сейчас думают! «Повременим, мол, пока животы надрывать, обождем малость, а вдруг эта развалюха напролом попрет! Ну а мы, не будь дураки, за ней в ее же дырку и проскочим!»

– Не проскочат, – заверил я северянина и остальных. – С какой стати нам упрощать врагам задачу? Пускай помучаются. Сработает их затея с камнями или нет, еще неизвестно. Но даже если сработает, гвардейцы угробят на нее столько сил, что вряд ли полностью восстановят их, когда доскачут до танкера. А он, пока Кавалькада здесь надрывается, подойдет тем временем еще ближе к Змеиному карнизу. Что нам только на руку. Чем меньшее расстояние разделяет нас и «Геолога Ларина», тем меньше у кабальеро остается времени для его захвата.

– А как же Вседержители? – напомнил Дарио о второй нависшей над нами угрозе. – Разве можно задерживаться так близко от Столпа после того, что случилось с «Зигфридом»? Да и эта сеть… Она ведь неспроста здесь появилась. Неужели вы намерены стоять и ждать, когда вернутся те, кто ее натянул?

– Мсье Сенатор верно подметил: если эту решетку соорудили для нас, она предназначена для чего угодно, только не для задержания бронеката, – ответил я и полюбопытствовал у табуита: – Тебе приходилось когда-нибудь, ночуя в хамаде, ставить вокруг лагеря сигнальные колокольчики или погремушки?

– Самому – нет, – помотал головой Тамбурини, – но другие монахи, с которыми отец отправлял меня в походы, часто так делали… Погодите! Уж не думаете ли вы, что вот эта конструкция – сигнальная погремушка Вседержителей?

– Боюсь, что проверить это мы можем только одним-единственным способом. И удачным его, при всем желании, не назовешь… – Я поморщился и вновь окинул взором хрупкое на вид ограждение. – Но, по всем признакам, дело обстоит именно так. Кавалькада просидела тут почти сутки, но не привлекла к себе внимание хозяев Столпа. Мы тоже подъехали к их заслону достаточно близко и не таясь. Будь он под неусыпным наблюдением, Вседержители уже обстреливали бы и дезинфицировали нас по полной программе. Однако они как будто вообще не смотрят вниз с вершины башни. Что из этого следует? Установив на подходе к лагерю погремушки, когда ты вспоминаешь о них? Правильно: когда они подадут тревогу. Все остальное время ты о них даже не думаешь.

– То есть вы предлагаете просто стоять и ждать, что произойдет? – спросил Дарио.

– Я предлагаю остановиться и выждать некоторое время, понаблюдав за кабальеро, за забором и за башней. Взять, так сказать, тайм-аут, – уточнил я. – В любом случае, прорвав решетку, мы ничего не выиграем. Если Вседержители устроили серьезную облаву, встречи с ними не избежать. И это место не лучше и не хуже любого другого участка Змеиного карниза, где мы можем столкнуться с летучим кораблем.

Больше возражений не последовало. Дабы не маячить совсем уж на виду, мы отъехали к плато и загнали истребитель между торчащими из склона скалами, будто в ангар без крыши и ворот. Корпус «Гольфстрима» покрывал многодневный слой пыли, послужившей нам сейчас камуфляжем, и я порадовался, что у меня так и не дошли руки оттереть обшивку от грязи. Какая там чистка! Самим порой некогда умываться, поскольку почти все наше свободное время тратится на сон.

Следить за кабальеро с мостика стало невозможно, но мы нашли выход из положения. Перекинув стремянку с крыши рубки на верхушку скалы, что торчала от нас по правому борту, я, Малабонита, Убби и Дарио перебрались на нее и продолжили наблюдать за творящейся у барьера суетой.

Гвардейцы поняли, что мы не намерены помогать им сносить решетку, и вернулись к работе. С этой позиции было лучше видно, куда они стаскивают валуны и что из них возводят. Место, вокруг которого трудились враги, представляло собой выдающийся вперед

скальный выступ. Он имел плоскую верхушку и торчал из склона, словно узкий балкон. Стоящие на нем кабальеро брали подносимые им камни и складывали из них не то башню, не то пирамиду. Не слишком высокую – чуть выше самих каменщиков, – но занимающую весь выступ целиком.

Строительство было начато с дальнего края площадки и понемногу продвигалось к ее началу. И чем крупнее становился гвардейский монумент, тем меньше оставалось уверенности, что его опора выдержит такой массивный вес.

Кабальеро тоже это понимали, и каждый работающий на «балконе» каменщик был привязан к склону страховочной веревкой. Однако строительство продолжалось, разве что темп его к этой минуте замедлился. Все более-менее подходящие камни поблизости были выбраны, и теперь гвардейцам приходилось таскать их издалека, карабкаясь по зыбким осыпям и уступам, что было сродни натуральной пытке. Глядя на добровольное самоистязание кабальеро, я даже исполнился к ним состраданием. Пускай те являлись нашими врагами, порой и они демонстрировали нам свои не самые худшие человеческие качества.

Страховочные веревки каменщиков и навели меня на мысль, во имя чего кабальеро переключились с воинских подвигов на трудовые.

Глянув на то место, куда грозилась обрушиться их постройка, я увидел лежащую на вершине осыпи продолговатую скалу. Издали она напоминала мизинец титана, отрубленный и отлетевший сюда при битве древнегреческих богов с этими существами. В действительности скала упала с вершины склона, но, не достигнув его подножия, зарылась в осыпь, на которую приземлилась. Но зарылась не слишком глубоко, и хороший толчок мог вышибить ее из «гнезда». Гвардейцам оставалось лишь устроить этот толчок и заставить скалу скатиться на карниз, снеся попутно находящийся аккурат под ней край ограждения Вседержителей.

А ведь неплохо придумано, разрази их метафламм!

Кабальеро-каменщики зря беспокоились. Выступ оказался крепче, чем они предполагали, и не обрушился вниз раньше срока. Когда на вершину башенки был уложен последний камень, ее основание оставалось непоколебимым. Чему строители вовсе не обрадовались, поскольку это только добавило им лишней работы.

Отломись «балкон» сам, страховка спасла бы каменщиков, и им не пришлось бы поддалбливать опору вручную. Эту задачу осложняло отсутствие у гвардейцев ломов и кирок, а пики для такой работы явно не годились. Пришлось горемыкам вновь браться за камни и, поднимая те над головами, бросать их на незаложенный валунами край выступа. Инструмент этот был непрочный и раскалывался после нескольких ударов. Поэтому не успевшим перевести дух камнесборщикам пришлось отправиться на поиски новых глыб туда, где они еще остались.

Даже мы устали смотреть на мучения самоотверженных кабальеро. Что же тогда говорить о них, балансирующих с тяжелыми булыжниками в руках на осыпающихся под ногами кручах? Но, как говаривал мой папаша, терпение и труд все перетрут, кроме врожденной человеческой тупости. А уж тупыми-то гвардейцы явно не были, и потому фортуна вознаградила их за тяжкий труд по справедливости.

Через сорок минут усердного бабаханья камнями о выступ тот все-таки не выдержал и надломился. После чего рухнул вниз вместе с выстроенной на нем башней. На последнем этапе работы каменщики уже стояли на склоне, и потому не сорвались вслед за рукотворным обвалом и не испытали свою страховку на прочность. Зато «палец титана» подобное испытание провалил. В буквальном смысле – с треском! Отколотый выступ, утяжеленный гвардейской надстройкой, что в таком коротком полете не успела развалиться, саданул по лежащей под ним скале будто многотонный молот. Этот удар своротил ее с належанного места

и расколол напополам. После чего обе скальные половины, «балкон» и рассыпавшаяся на булыжники башня камнепадом запрыгали по осыпи, грохоча и вздымая за собой пыль.

Мы продолжали следить за всем этим и вскочили на ноги одновременно с треском расколотого «пальца». Обвал разразился нешуточный, но до последнего момента было неясно, оправдает ли он надежды Кавалькады. Кабальеро призвали на подмогу могучую природную стихию, но управлять ею они были не в состоянии. И если она вдруг отклонится от курса, выйдет так, что все усилия гвардейцев будут потрачены впустую.

Не отклонилась! Камнепад накрыл край ограждения, оторвал его от колонны и помчался дальше, сминая сеть и пригибая ее к земле. Не имеющая промежуточных опор, растянутая конструкция стала со скрежетом заваливаться набок. И когда камни докатились до карниза, половина барьера была полностью повалена, еще одна его четверть была перекручена винтом, и лишь другой его край – тот, что крепился к восточной колонне, – продолжал стоять вертикально.

До нас долетел победный галдеж Кавалькады. Ликовали все до единого кабальеро: и спускавшиеся по склону строители, и их товарищи, что все это время присматривали за лошадьми. Не ликовали только мы, хотя откровенной досады тоже не испытывали. Победа гвардейцев стала моментом истины, обязанным прояснить, верны наши догадки или нет. Все мы, включая оставшихся на палубе Гуго и дона Балтазара, устремили взоры к Столпу, пытаясь определить, произвела ли дерзость гвардейцев впечатление на Вседержителей.

Когда ежеминутно, денно и нощно, ждешь чуда, оно не всегда оправдывает ваши ожидания. Но когда столь же упорно думаешь о чем-то гадком, оно неизменно сбывается. Как объяснить этот закон природы, что так откровенно несправедлив к человеку? Размышлять об этом можно долго, но сейчас нам было не до размышлений. Возмездие Небес, к которому мы готовились с тех самых пор, как прикончили первого вакта, наконец-то нас настигло!

Не прошло и трех минут после падения решетки, как в небе рядом со Столпом вновь возник крупный движущийся объект. Теперь его нельзя было перепутать с «падалицей» даже издали. Объект снижался медленнее обычного обломка и по более сложной траектории. Мы опять затаили дыхание, но вряд ли кто-то из нас сомневался в том, что сюда спешат хозяева порванной сети.

Первым пришел в себя Убби.

– Ложись! – негромко скомандовал он, и все, кто стоял на нашей скале, без возражений попадали на животы. Глядеть вверх из такого положения было неудобно, но поскольку объект быстро приближался к земле, заламывать шеи нам оставалось недолго.

– Слушайте все! – Немного запоздало, но я все же вспомнил о том, кто здесь шкипер. – По моей команде возвращаемся на борт и разбегаемся по боевым постам! Убби! Ты уведешь дона Балтазара в трюм! Дарио! Вы с мсье Сенатором, как обычно, уносите Физза к себе в отсек! И не высовывайтесь зря из-за брони! Помните о том, какие мощные у врага баллестирады!

Последняя моя рекомендация предназначалась в основном для Дарио, поскольку остальным не требовалось напоминать об осторожности. А между тем летучий корабль замедлял скорость снижения, позволяя нам хорошенько его рассмотреть. То, что Вседержители к чему-то готовятся, было совершенно очевидно, поскольку спускались они аккурат над поваленным заслоном.

Больше всего меня удивила не форма корабля, а двигатели, которые поддерживали его в воздухе. Корпус его напоминал огромную иностальную галошу двенадцати метров в длину, четырех – в ширину, и трех – в высоту. По бокам «галоши» торчали четыре выносные консоли – спереди и сзади на обоих бортах. На консолях и крепились двигатели – продолговатые бочонки, похожие на желуди со срезанными кончиками. И в каждом «бочонке» через

эти отверстия проходил… тонкий смерч! Он возникал прямо из воздуха метрах в двадцати выше двигателя и бесследно растворялся примерно на столько же метров ниже него. Такое впечатление, что «бочонки» не порождали удивительные вихри, а были нанизаны на них. И вихри, двигаясь синхронно в нужном направлении, таскали за собой корабль, словно нити марионетку.

– Восхитительно! – послышался с палубы дрожащий от возбуждения голос де Бодье. – Это просто восхитительно, мсье шкипер! Какие поразительные «холодные» и тихие турбины! Вы даже не представляете, насколько важным может оказаться это открытие!..

– Потише, мсье! – оглянувшись, одернул я впавшего в несвоевременный восторг Сенатора. – Прошу вас, держите себя в руках! Сейчас не самый подходящий момент что-либо открывать!

Можно было не уточнять, что именно Гуго назвал «турбинами». Разумеется, он имел в виду двигатели летучего корабля, которые – кто бы сомневался! – механику тут же захотелось разобрать и тщательно осмотреть. Настолько захотелось, что он даже забыл о нависшей над нами угрозе. Редко, очень редко на де Бодье накатывали порывы такого вдохновения. И тем обиднее для него, что предметы его страсти, как назло, попадались нам тогда, когда исследовать их у нас не было ни времени, ни возможности.

«Галоша» опустилась еще ниже и зависла в полусотне метров над карнизом, и мы смогли рассмотреть ее экипаж; я предполагал, что при этом искусственные вихри поднимут тучу пыли, но они не касались земли, и, видимо, поэтому на ней возникли лишь легкие пылевые завихрения. Палуба корабля была открытой, и над ее бортами торчали, высунувшись по грудь, три человекообразные фигуры. Плюс один вакт, сидящий на корме летательного аппарата. Огромные головы Вседержителей не имели шей и были насажены прямо на массивные плечи. А лица у них, кажется, отсутствовали вовсе.

– Скафандры! – воскликнул Дарио, припавший к скале справа от меня. – Помните, господин Проныра, я говорил вам, что пришельцы носят скафандры и шлемы без смотрового стекла? Как видите, это правда!

– А тебе, случаем, не известно, парень, что будет, если со Вседержителя сорвать шлем? – полюбопытствовал Сандаварг. Чутье воина подсказало ему, где может крыться слабина противника, полностью закрытого мощной броней. – Как вообще выглядит эта тварь голой, и может ли она биться без доспехов? Или хотя бы с открытым забралом?

– У ордена не было возможности это проверить, – ответил Тамбурини. – Но есть версия, что без защитного снаряжения Вседержитель ощутит себя на поверхности Земли так же, как человек, спустившийся на дно глубокого водоема без дыхательного оборудования. Вероятно, именно поэтому они так редко опускаются к нам со своих Столпов. Земная атмосфера для Вседержителей – все равно что глубокий океан для наших с вами предков. За всю долгую историю человечества оно не обследовало даже один процент океанского дна. И, спускаясь туда, люди также использовали скафандры и иную специальную технику.

– А вот это уже кое-что! – оживился Убби. – Я проверю вашу догадку и сорву со Вседержителя шлем, когда сойдусь с ним в бою! Мое слово!

Я тоже был бы не прочь глянуть на этот бой. Особенно принимая во внимание, что пришелец был чуть ли не вдвое выше и многократно тяжелее крепыша-коротыша Сандаварга. Но, как показывала практика, низкий рост Убби отнюдь не мешал ему биться пешком даже с несколькими всадниками. И не только биться, но и с успехом вышибать их из седел. Так что делать опрометчивые ставки на победу Вседержителей в таком бою я бы поостерегся и другим не советовал.

Кавалькада тоже заметила летящую «галошу», когда та была еще высоко. Но в отличие от нас гвардейцы находились на виду и не на шутку забеспокоились. И было с чего. Какие выводы они сделали после встречи с «Зигфридом» и со странной решеткой, черт их знает, но

у них наверняка хватило ума понять, кто за всем этим стоит. Судя по их поведению, они не собирались задерживаться возле упавшего барьера ни минуты. Пока каменщики спускались с горы, их товарищи подвели рапидо прямо к склону. И как только отряд воссоединился бы, он умчался бы на юг быстрее ветра.

Пять-шесть минут – ровно столько требовалось Кавалькаде, чтобы унести отсюда ноги. Однако Вседержители ее опередили. Кабальеро явно не подозревали, что те объявятся здесь так скоро. Каменщики еще не достигли подножия, а корабль уже парил над устроенным ими завалом.

Шум турбин не был оглушительным – примерно как завывающий в узких каньонах ветер. Но это нам он не казался устрашающим. А вот наши враги, у которых летающая хреновина зависла прямо над головами, такого явно не сказали бы. Они и без свиста турбин были ошарашены одним ее видом, а когда она еще и издавала зловещие звуки, тут бы даже сам дон Балтазар впал в оторопь.

Каменщики, которые все еще бежали по склону, наблюдали «галошу» прямо перед собой. Подгоняемые ждущими их внизу товарищами, они ускорили спуск, стремясь быстрее добраться до коней. Троица пришельцев на палубе, видимо, изучала застигнутых на месте преступления вредителей. Вакт по-прежнему оставался неподвижным, как статуя. Что немудрено, ведь он – не животное, а высокотехнологичная машина, а она без приказа даже лапой… вернее, манипулятором не пошевелит.

Я решил, что, узрев копошащихся внизу, безобидных для них землян, нынешние хозяева мира махнут рукой и улетят восвояси. Ясно же, что контейнера с «черной грязью» у этих аборигенов нет. Ну а то, что они сломали какой-то заборчик, невелика беда; зато мы им вон целую планету испохабили!

Но, увы, предсказатель из меня получился дерьмовый. И когда в руках у двух Вседержителей вдруг появились приспособления, которые ни на что, кроме стрелкового оружия, не походили, я понял: сейчас произойдет то же самое, что двое суток назад постигло команду «Зигфрида». И что гвардейцам при всем желании не разойтись со Вседержителями полюбовно.

Нам следовало бы радоваться допущенной Кавалькадой ошибке. Однако никто не злорадствовал. Потому что на самом деле радоваться тут было нечему, ведь каждый понимал: сегодня враг нашего врага не является нашим другом. И как только мы высунемся из укрытия, нас постигнет столь же незавидная участь…

Глава 5

– Загрызи их пес! – пророкотал Убби, не хуже меня учуявший, к чему идет дело.

Проклятье северянина было адресовано пришельцам, тем не менее сбылось оно с точностью до наоборот. Сидевший на корме летательного аппарата пес словно бы расслышал, что кто-то о нем заговорил. Он внезапно ожил, задвигался, выпрямил лапы и, в один присест перемахнув через борт, полетел на землю.

Прыжок с высоты в полсотни метров не причинил иностальному монстру вреда. Упав на полусогнутые лапы, он развернулся мордой к Кавалькаде, махнул хвостом и издал знакомое нам верещанье – видимо, дал понять хозяевам, что готов к бою. А «галоша» накренилась вправо, описала в воздухе широкую дугу, после чего вновь зависла, только на сей раз в отдалении от кабальеро. И немедля повернулась к ним левым бортом, над которым тут же появились стволы орудий.

– *Caramba!* – подала голос Малабонита. – Да ведь это самая настоящая охота! Раз мы опять не попались Вседержителям, они, похоже, решили сорвать злобу на той добыче, какая подвернулась под руку!

И впрямь маневры пришельцев напоминали подготовку к охоте: выбор позиции для стрельбы, спуск с поводка охотничьей собаки… Вжавшись в скалу, мы замерли в ожидании зрелища, которое вот-вот должно было перед нами разыграться. И смотреть на которое у нас отсутствовало всякое желание.

Кавалькада!.. Еще недавно скачущие за нами по пятам всадники лишали меня покоя, отбивали сон и аппетит. И вот я взирал на то, как некогда грозный отряд готовился принять неравный бой, и поймал себя на мысли, что сопереживаю нашим заклятым врагам! И не только сопереживаю, но и желаю им удачи, которая в этой битве им необходима как воздух.

Теперь перед гвардейцами был не один, а два противника: наземный и летающий. Как воевать со вторым, они понятия не имели и потому для начала сосредоточились на первом. Остававшиеся внизу гвардейцы перестроились в боевой порядок, дабы защитить собратьев-каменщиков, пока те не оседлали коней и не встали в строй. Вначале показалось, будто вакт и впрямь проявил к людям благородство, дав им время на подготовку. Подняв торчком спинные шипы, будто злая собака – шерсть на загривке, монстр взялся неторопливо обходить гвардейцев со стороны упавшего барьера. Так, словно прочел их мысли и решил отрезать им путь на юг. Поглядывая с тревогой в небо, кабальеро выставили перед собой пики и стали разворачивать строй следом за движущимся вактом. Вседержители в это время наблюдали за ними с «галоши», по всей видимости, предоставляя своему четвероногому загонщику право нанести удар первым.

Этот вакт отличался от тех, с какими мы сталкивались в предгорьях Хребта и в Аркис-Грандбоуле. Отличался не столько размерами – они у этих инопланетных созданий были почти одинаковы, – сколько конституцией. Примерно так отличаются бойцовые собаки от гончих: более массивным, коротконогим телом, рассчитанным прежде всего на стойкость в бою и на мощные атаки, а не на бег.

Де Бодье не ошибся, когда предположил, что псы Вседержителей, так же, как бронекаты людей, делятся на разновидности в зависимости от своего предназначения. Кто знает, существовали ли на самом деле стреляющие вакты, но с вактом-штурмовиком, чьи когти могли рвать толстую иносталь, мы только что познакомились.

Возможно, именно такие твари стерегли Полярные Столпы. А те вакты, каких мы видели раньше, были лишь шастающими по миру шпионами-наблюдателями. Они умели быстро бегать, но оказались уязвимыми для истребителя. Этот массивный, приземистый монстр вряд ли настиг бы мчащийся на полном ходу бронекат, зато вполне мог поднырнуть

ему под днище и повредить трансмиссию. Или натворить иных бед, на какие у его собратьев-разведчиков не хватало сил.

Обойдя гвардейцев с юга, вакт замер истуканом. А затем безо всякой подготовки бросился навстречу Кавалькаде, выбросив из-под когтей фонтаны песка. Верещание твари перешло на более высокую, душераздирающую тональность, от которой меня даже передернуло. На что, видимо, эти звуки и были специально рассчитаны. Лошади под кабальеро тут же тревожно заржали и попятились, да и сами всадники наверняка ощутили себя неуверенно. Но как бы то ни было, их враг прекратил ходить вокруг да около и бросил им вызов, который они не замедлили принять.

Лучше всего защититься от несущегося вакта всадники могли бы, разъехавшись врассыпную. Но тогда они подставили бы под удар товарищей, которых сейчас прикрывали. Впрочем, они подставили бы их, и оставаясь на месте, – для полноценного заслона от такой угрозы требовалось куда больше сил. И ощетинившийся пиками отряд принял решение: не дожидаться, когда тварь прорвет строй, а ринуться ей навстречу. Но не лоб в лоб, а по всем правилам кавалерийского искусства, в котором Кавалькада не знала себе равных.

Пришпоренные рапидо были пущены с места в карьер, но не по прямой, а уклоняясь от курса противника. Всадники, стоявшие в центре заслона, стартовали первыми, остальные – поочередно за ними. И все они пошли на сближение с псом двумя параллельными колоннами, намереваясь на встречном ходу вонзить друг за другом пики сразу в оба вражеских бока.

Атакуй гвардейцев не вакт, а крупный земной хищник, два десятка копейных ударов, нанесенных за пять секунд, умертвили бы его прежде, чем он понял бы, что промахнулся. Дабы не вывернуть себе руки, кабальеро выпустили пики в момент удара. Но те повредили лишь толстую шкуру вакта, да так и остались торчать в ней, погнутые и отныне бесполезные. Сделанные из легких трубок и обладающие четырехгранным наконечником, пики спасовали перед иностальным телом многотонного монстра. Чему, однако, никто из нас не удивился. Мы-то были в курсе, что даже псы-разведчики неуязвимы для копий, а такого зверюгу ими подавно не прошибешь.

Поскольку дон Балтазар упрямо не отвечал на наши расспросы, мы так и не выяснили у него, чем закончилось вторжение вактов в Аркис-Грандбоул. Но, судя по тому, что кабальеро предприняли сейчас этот провальный выпад, подавленные нами в Великой Чаше вакты самоуничтожились до того, как их изучили. Вот и теперь, при очередном столкновении Кавалькады с псом, ей вряд ли светило заняться его изучением. Только уже по другой причине: сегодня уничтожение грозило не псу, а его исследователям.

Вакт пронесся сквозь строй всадников, даже не притормозив. И не стал огрызаться на обидчиков, устремившись к тем кабальеро, которых они прикрывали. Все каменщики к этой минуте уже спустились со склона, и последние из них как раз усаживались на коней. Но что проку, если их кони еще топтались на месте, а до столкновения со смертоносной четвероногой машиной оставались считаные секунды.

Образовать за столь малое время боевой порядок было совершенно нереально. Единственный маневр, какой предприняли кабальеро – шарахнулись в разные стороны. Да и это удалось не всем, а лишь тем, кто был готов к схватке. Прочим же гвардейцам, а особенно тем, кто оказался на пути у пса, уклоняться было поздно. Продолжая верещать, он ударил прямо в центр разъезжающейся группы и сшиб наземь вместе с лошадьми сразу четырех всадников. Причем двое из них пролетели по воздуху – опять же вместе с лошадьми – с десяток метров.

Прежде чем гвардейцы рассыпались и перестали быть легкими целями, вакт нашел себе еще две жертвы. Крутанувшись на месте, он прочертил хвостом в воздухе круг и тут же нанизал на хвостовые шипы замешкавшегося всадника, сметая его с коня. А когда пронзенное насквозь тело сорвалось с шипов и отлетело в сторону, хвост твари врезался в следую-

щего незадачливого кабальеро. Этот бедолага был пригвожден шипами вакта к холке своего рапидо, чего ни человек, ни лошадь уже не пережили.

Над карнизом раздались многочисленные крики, а также конское ржание и храп. У гвардейцев был шанс отделаться от вакта, если бы Кавалькада рассеялась по карнизу и, забыв о погибших и раненых, рванула бы во весь опор прочь. Но тут к охоте подключились хозяева Столпа, и все стало гораздо хуже. Настолько, что реальность практически совпала с нашими самыми дурными прогнозами.

Выстрелы орудий Вседержителей были пронзительно-резкие, стегающие, отчего напоминали удары огромных плетей. Причем мы слышали их треск уже после того, как снаряды находили себе цели. Или не находили, врезаясь в песок, что случалось значительно чаще. Это было, пожалуй, единственным везением мечущихся внизу кабальеро. Попади хотя бы половина этих выстрелов точно в цель, Кавалькада прекратила бы свое существование уже через три минуты. И лишь благодаря плохой меткости пришельцев гвардейцы продолжали отчаянно бороться за свои жизни.

Хотя, конечно, назвать это борьбой было трудно. Вскоре выяснилось, что вакт не был одержим желанием растерзать всех и вся. Своей первой атакой он, говоря языком охотников, «поднял зверя» и погнал его под выстрелы. После чего, наведя переполох, сменил тактику и уподобился пастушьей овчарке, что, бегая кругами, не дает разбежаться перепуганному стаду.

Упавшая решетка открыла кабальеро путь на юг. Но быстро перемахнуть через нее они не могли. Лошадиные копыта рапидо, попадая между прутьями, вынуждали рапидо преодолевать эту преграду медленно, шаг за шагом. Что делало всадников в этот момент слишком легкой добычей. Под обстрелом их мог спасти лишь галоп и усердное петляние. И потому, побросав убитых и раненых, помочь которым сейчас все равно было нельзя, гвардейцы рассеялись по карнизу и рванули на север, в нашу сторону.

Однако не тут-то было! Снизившаяся почти до земли «галоша» шутя обогнала Кавалькаду и преградила ей путь. Дабы не угодить под выстрелы, всадники вновь натянули поводья и развернули коней. А сыплющиеся на них снаряды растерзывали их на ошметки и, зарываясь в землю, вздымали в небо фонтаны песка и пыли…

Шум за пределами нашего убежища стоял такой, что я едва расслышал долетевший до меня окрик дона Балтазара. А расслышав, не поверил собственным ушам. Как только не разговаривал с нами команданте, но вот с мольбой он к нам еще не обращался. Прежде я вообще не представлял себе, что этот гордец способен говорить с кем-то в подобном тоне, включая даже Владычицу Льдов.

Разумеется, я не мог отказаться выслушать главного кабальеро и немедля спустился на палубу, чтобы побеседовать с ним.

– Шкипер, умоляю вас во имя святых, в которых вы верите: если вы в силах помочь моим людям, сделайте это! – повторил сеньор Риего-и-Ордас, когда я предстал перед ним вместе с северянином, также немало удивленным таким поведением пленника. – Пускай вас объявили преступником, но я знаю: вы – человек чести и способны на благородный поступок!

– Даже если способен, какой мне резон спасать охотников за нашими головами? – поинтересовался я.

– Резон в том, что в награду за это я готов заключить с вами мир и выпросить для вас у Владычицы Льдов официальное прощение! – пояснил дон Балтазар.

– И ты готов дать нам слово кабальеро? – опередил меня с ответом Сандаварг и недоверчиво прищурился.

– Ради того, чтобы вы защитили моих *compañeros*, я даю вам слово кабальеро, что отныне вы можете считать меня своим другом! – заявил команданте. – И даю клятву воина

перед лицом вот этого благородного северянина, что лично буду хлопотать за вас перед Владычицей, пока она не подпишет документ о вашей полной амнистии! Соглашайтесь, сеньоры! Ведь если все мы выживем и вернемся в Атлантику, без такого друга, как я, вам придется туго.

Осознавая бесспорную правоту пленника, я замялся в нерешительности и посмотрел на северянина, прося у него совета.

– Это очень сильные слова, Проныра, – сказал Убби, почтительно покивав головой. – Кабальеро такими клятвами не разбрасываются. И я бы на твоем месте крепко подумал, прежде чем отвергать подобное предложение. После таких слов я даже не имею права больше держать команданте в кандалах. Ведь если я не поверю клятве воина и предложению о мире, он совершенно справедливо сочтет меня трусом! Поэтому согласен ты со мной или нет, но сейчас я его отпущу. Ну а встревать твоей развалюхе в драку или нет, решать, ясное дело, уже не мне.

– Тебе так не терпится подраться? – спросил я, все еще колеблясь. Мое согласие сулило нам выгоду лишь в дальней перспективе. А в ближней оно втравливало нас в самоубийственную заваруху. Прежде чем сделать выбор, мне следовало бы хорошенько взвесить все за и против. Однако все складывалось так, что на раздумье у меня не оставалось даже минуты.

– Ты меня знаешь: от хорошей драки я отродясь не отказывался, – напомнил Убби. – И если ты намерен порезвиться, я могу подкинуть тебе пару дельных мыслей, как нам все устроить, чтобы потом об этом горько не пожалеть.

– Да уж, полезные идеи мне бы сейчас пригодились, – без особого энтузиазма признался я. И, не видя смысла тянуть время, согласился: – Ладно, дон Балтазар! Раз мой друг вам поверил, поверю и я. Вот только за возможные последствия мы не отвечаем.

– К черту последствия! Не мешкайте, прошу вас! – поторопил нас дон Риего-и-Ордас. – Вы уже били вактов, а значит, можете задать трепку и их хозяевам! Действуйте, я в вас верю!..

Нельзя сказать, что меня воодушевило напутствие нашего самозваного друга. Но, учитывая, кем был этот друг, его доверие мне, безусловно, льстило.

Пока я свистал всех на палубу и вкратце обрисовывал ситуацию, Убби снял с команданте кандалы. За что тот его даже поблагодарил. А после дон Балтазар уже безо всякого высокомерия присоединился к нам и осведомился, чем он может быть полезен.

Я спросил, доводилось ли ему обращаться с тяжелыми баллестирадами, поскольку Сандаварг, который обычно помогал на орудийной палубе Малабоните, был нужен мне сейчас наверху. Команданте заверил нас, что он знаком с бортовым вооружением бронекатов. И пусть в последний раз ему доводилось стрелять довольно давно, он быстро вспомнит эту науку по ходу дела.

– Отлично! – подытожил я, хотя ничего отличного нас впереди не ожидало. – Тогда по местам и не показываться на верхней палубе без приказа!.. Да не оставит нас сегодня богиня Авось!

Малабонита, Гуго и Дарио явно не одобряли мой выбор, даже будучи в курсе, какая награда нам обещана. Однако делать нечего, и спустя еще минуту команда находилась на боевых постах, а «Гольфстрим» выкатывался из убежища, возможно, на последнюю битву в своей жизни…

Сандаварг был оставлен мной в рубке с двумя целями: поддерживать во мне боевой дух и объяснять по ходу дела свои замыслы, поскольку собственных у меня сейчас попросту не было. А при виде картины, что открылась нам, когда мы вернулись на карниз, мне стало совсем не по себе. Какое уж тут стратегическое планирование! Удержать бы в руках штурвал да не ошибиться при переключении скорости, и то будет подвиг!

За время, что мы совещались и готовились к бою, обстановка на карнизе изменилась незначительно. Пересчитать мельтешащих гвардейцев было сложно, но они потеряли уже не

меньше половины товарищей. Выжившие отступили на километр севернее и, рассредоточившись поодиночке, все еще пытались запутать охотников. Тщетно. Летучий корабль неизменно опережал самых прытких всадников и либо убивал их, либо заставлял поворачивать вспять, в силу чего они никак не могли отделаться от противника. А сзади им не давал покоя вакт. Вряд ли он настиг бы рапидо в честной гонке, но, благодаря тому, что кабальеро безостановочно петляли, тварь тоже от них не отставала.

Сократившееся количество целей, похоже, не ослабило охотничий азарт Вседержителей. Видимо, поэтому двое из них решили сменить позицию и перебрались с палубы в специальные приспособления. Эти поворотные консоли выдвинулись из днища «галоши», и в каждой из них размещался стрелок. Теперь издали летучий корабль стал напоминать хищную птицу, несущую в лапах людей. Правда, лапы те были особенные. Они свободно вращались на триста шестьдесят градусов и позволяли «добыче» занимать любое удобное положение для стрельбы.

Третий пришелец не принимал участия в расстреле, так как, видимо, не мог отлучиться от пульта управления. Глядя на его лихие маневры, я еще больше усомнился в нашем успехе. Заметив мою скисшую рожу, Убби хлопнул меня по плечу и, указав в другую сторону, переключил мое внимание на более легкого и привычного нам противника.

– Гони к вакту! – направил меня северянин и вкратце обрисовал нашу стратегию: – Если первым делом схлестнемся с летуном, крепко увязнем в драке. И тогда пес станет для нас большой помехой. Поэтому давай сначала разделаемся с ним, а уже потом с его хозяевами.

Оспаривать эту здравую мысль было нелепо. И я, нацелив «Гольфстрим» на преследующего Кавалькаду монстра, пошел с ним на сближение.

Вакт постоянно двигался, и я не мог заранее спланировать удар по нему. Это предстояло решать в последний момент, когда тварь заметит бронекат и ринется к нам. Однако наш опыт стычек с вактами позволил мне подготовиться к очередной встрече с одним из них.

– Прицелы орудий – на центр! – скомандовал я Малабоните и дону Балтазару. – Левое орудие – к бою, правое – на очереди! Стрелять по моей команде!

Двенадцать мощных баллестирад, объединенных в залповый комплекс «Сембрадор», имеют ограниченный сектор поражения. Но их прицельный механизм позволяет пускать гарпуны как рассеянно, так и в одну определенную точку. Первый способ подходит для уничтожения множества мелких целей – той же Кавалькады, к примеру. Второй – для кучной стрельбы по крупным объектам. В этом бою оба противника были достаточно крупногабаритными, что и определило выбор нашей тактики.

Вакт обнаружил нас, когда его и «Гольфстрим» разделяло порядка двухсот метров. Едва это случилось, я велел механикам перейти на малый ход и, развернув истребитель, повел его по вершине песчаного гребня. Пес, как, впрочем, и ожидалось, вмиг забыл о всадниках и бросился наперерез новой жертве. Наблюдая за его приближением, я начал понемногу выруливать так, чтобы навести орудия левого борта на точку, где враг должен был вот-вот оказаться. А располагалась та точка на вершине соседней возвышенности.

Тактика у нападающих на бронекаты вактов проста: разогнаться, вскочить на движущийся объект и учинить на нем разгром. Лишь получив отпор, псы Вседержителей начинают применять более хитрые способы войны с «кусачим» противником. Но пока мы не оскалили зубы, тварь решила взять нас классическим лобовым наскоком.

При беге вверх по склону коротконогий вакт снизил скорость, и этим следовало воспользоваться.

– Левый, правый, готовсь! – предупредил я орудийную палубу. После чего поставил истребитель точно поперек курса несущегося на нас пса. И едва его голова показалась над вершиной гряды, скомандовал: – Левый, пли!

Тренировки не пропали даром. И хотя в свое время мы провели их совсем немного, кое-что полезное у нас в памяти отложилось. К примеру – расчет нужного упреждения при стрельбе. Левый борт дал залп, когда цели почти не было видно. Две секунды летели до нее гарпуны «Сембрадора», и за это время вакт как раз выскочил на гребень. И тут же заработал в морду и в грудь такой удар, что плюхнулся на брюхо и покатился обратно, вниз по склону.

Одним из достоинств истребителя является его отменная маневренность. «Гольфстрим» умел разворачиваться быстро, резко и практически не съезжая с места. Удачнее всего этот маневр получается на малой скорости, когда инерция бронеката невелика. Прямо, как сейчас. Сшибив врага точным попаданием, я врубил поворотный синхронизатор и, налегая на штурвал, обратил к врагу наш правый борт. И как только голова утыканного гарпунами пса вновь замаячила над грядой, я вновь проорал в переговорную трубу:

– Правый, пли!..

По логике, первый залп должна была давать Малабонита. Затем, чтобы ее новый напарник, глядя на нее, вспомнил, как это делается. Судя по точности второго выстрела, командante не солгал: если он и подрастерял навыки бортстрелка, то ненамного. И вторая дюжина гарпунов врезалась вакту туда, где у земных четвероногих хищников располагается левая лопатка.

Правда, теперь эффект от попадания выдался слабее. Тварь пошатнулась, но устояла и не скатилась повторно со склона. Но отныне, когда в ней торчало два с лишним десятка двухметровых снарядов (два или три из них все же ушли мимо цели), она утратила былую прыть.

Пробивная сила «Сембрадора» не сравнима с ударом копья, даже нанесенным кавалеристом на полном скаку. Гарпуны пробили шкуру монстра и накрепко засели в его иностальной плоти. Вонзившись в хитросплетения высокоточных механических деталей, гарпунные наконечники нарушили их слаженную работу. Что, в свою очередь, отразилось на здоровье… пардон, техническом состоянии вакта.

Он не мог обломать древки, поскольку гарпуны были цельнометаллическими. Истошно заверещав, пес попятился и яростно замотал головой, а также замахал хвостом – очевидно, пытаясь не подпустить к себе противника. Торчащие в теле разбушевавшегося монстра гарпуны болтались из стороны в сторону и гремели, будто прутья огромной метлы. Подходить к нему сейчас и впрямь было смертельно опасно. Впрочем, нас это мало беспокоило. Вакт мог отбрыкаться от Кавалькады, но не от бронеката, который уже шел на него в контратаку.

«Гольфстрим» на полном ходу перемахнул через впадину между грядами и въехал на соседнюю возвышенность – ту, где мы подстрелили вакта. Борясь с засевшими в нем гарпунами, он так неистово бесновался, что проморгал более опасного врага – нас. Узрев нависшую над ним тень, пес опомнился и попытался отскочить, да поздно! Носовой таран истребителя долбанул чудовище в бок и отбросил его вперед. Грохнувшись на спину, оно кубарем покатилось по склону. А «Гольфстрим», не отставая, несся следом, словно свирепая цепная собака, намеренная растерзать заскочившую к ней в ограду уличную шавку.

Вместо того чтобы вновь таранить вакта, я собрался наехать на него колесом. И хоть давить иностальную тварь на мягком песке было неудобно, я выбрал наилучший из всех критических ударов. Таран помял твари бок и наверняка нанес ей новые повреждения. А побывав под колесами, она покалечит конечности и станет совсем легкой мишенью.

Я уже собрался насладиться хрустом расплющиваемого противника, но он сумел-таки извернуться и избежать утюжки. Метнувшись в сторону, вакт выкатился из-под нависшего над ним колеса и уцепился лапами за таран. От удара, который вакт нанес при этом передней лапой по бронекату, его когти пробили носовую броню. В отличие от брешей, что зияли в

крыше «Зигфрида», эти были совсем небольшие. Но их хватило для того, чтобы пес зацепился за обшивку, после чего истребитель тут же потащил его за собой.

– Ах вот ты как, значит! – прорычал я, свирепея при виде не желающего подыхать врага. – Ну хорошо, держись! Сейчас мы тебя покатаем!

И, смачно выругавшись, развернул «Гольфстрим» носом к бездне.

Борьба вакта за жизнь была достойна восхищения. Торчащие из твари гарпуны мешали ей подтянуться и вонзить в корпус бронеката вторую лапу. А опереться на задние псу мешала набранная нами скорость. Он старался зацепиться хотя бы за что-нибудь, но мог дотянуться лишь до колеса. Когти вакта скребли по протекторам, что едва не задевали волочащийся по земле хвост. Шипы на нем уже обломались о шипы колеса, и если оно наедет на кончик хвоста, врагу придется расстаться и с ним.

Раскатывать близ разлома было не менее опасно, чем воевать со Вседержителями. Но я не собирался искушать судьбу – мы и без того играли с ней сегодня на грани фола. Когда до края бездны оставалась сотня метров, я отдал Гуго приказ: «Стоп колеса!», а остальных предупредил, чтобы они не разбили себе лбы при резком торможении. Но нам-то было за что ухватиться, а вот висящему на кончиках когтей вакту – уже нет. И он, сорвавшись с брони, покатился впереди бронеката, подобно получившей пинок все той же шавке.

Тормозной путь истребителя протянулся по песку еще на пятьдесят метров. Вакту для остановки потребовалось чуть большее расстояние. Однако едва он прекратил кувыркаться, как «Гольфстрим» уже разворачивался к нему левым бортом. А когда твари удалось встать на лапы, я в этот момент орал в переговорную трубу: «Левый пли!»

«Сембрадор» на левом борту стрелял первым, поэтому и перезарядился он раньше. Сама автоматическая перезарядка занимала некоторое время – в нашем случае ровно столько, сколько я волочил пса к пропасти. И едва тот очутился у края, я снова навел орудия на цель, а наши бортстрелки сделали очередной залп.

Он был произведен с близкого расстояния, и снаряды угодили в цель уже не так кучно. Зато ни один из них не пронесся мимо. Все они воткнулись рядком вакту в правую половину спины, чуть пониже позвоночника. Едва встав на лапы, пес еще не обрел равновесия и, сшибленный третьим залпом, закувыркался дальше. А я, не мешкая, развернул «Гольфстрим» другим бортом и приготовился угостить монстра четвертой порцией гарпунов.

Однако на сей раз обошлось без добавки. Еще до того, как вакт достиг пропасти, зыбкий берег под ним дрогнул и начал оседать. Дугообразная трещина отсекла от края внушительный кусок, который тут же пополз вниз, отчего карниз задрожал, как при землетрясении. Вакт не докатился до кромки считаные метры и, остановившись, поспешил было назад. Но поскольку резвость у нашпигованной гарпунами твари оставляла желать лучшего, ее спасение находилось под очень большим вопросом.

Опасаясь, что обвал доберется до нас, я велел Сенатору немедля гнать отсюда прочь. От рушащегося берега взметнулась вверх стена пыли. Я напряженно ждал, что из нее вот-вот вынырнет израненный пес, но так его и не дождался. Ну а когда обвал зарокотал позади нас в полную силу, стало понятно, что с вактом все кончено. Он канул в бездне, и даже если ему повезет уцелеть, вряд ли он выберется из разлома сам, без посторонней помощи.

– Передавай привет братьям, которых мы расплющили в Великой Чаше! – напутствовал поверженного пса Убби. – Мерзни в аду, проклятый выродок!

Последнее пожелание северянина не соответствовало истине. Согласно легендам, все бездонные пропасти соединены не с небесным адом Иностали и Мрака, а с подземным раем Чистого Пламени. И вряд ли райские хозяева – духи великих поваров древности – обрадуются скинутому нами подарку. Мало того, что эта зверюга переполошит там всю округу, так его «мясо» еще и совершенно непригодно в пищу! Не знаю, суждено ли мне отправиться

в рай, но если и впрямь суждено, боюсь, за сегодняшнее хулиганство с меня там спустят семь шкур…

После такой схватки мне не помешала бы минутка-другая, чтобы отдышаться. Но противник не собирался давать нам поблажек. Оставив в покое кабальеро, летучий корабль уже спешил к «Гольфстриму», посвистывая всеми своими укрощенными вихрями.

– Не дергайся! – пробасил Убби, заметив, что я засомневался, как быть: продолжать ехать прямо или отвернуть в сторону. – Делай, как считаешь нужным! Все равно нам теперь никуда не скрыться. Давай-ка для начала попетляем, поглядим, чем это летучее дерьмо может нас удивить.

– Прицелы по центру и вверх до упора! – выйдя из замешательства, приказал я бортстрелкам. – Доложить по готовности! Стрелять только по команде!

И, завертев штурвалом то влево, то вправо, воспользовался советом Сандаварга – повел истребитель по извилистой траектории.

Первые снаряды замолотили по «Гольфстриму», когда «галоша» была еще далеко. Сразу же выяснилось, что нам повезло больше, чем «Зигфриду». Усиленная броня истребителя выдержала попадания из пушек Вседержителей. Но вмятины на обшивке оставались серьезные, и доски палубного настила разлетались в щепки. Вдобавок снаряды рикошетом отлетали куда попало. Те, что отскакивали от палубы, неминуемо врезались в мостик и до рубки не доставали. А вот те, что врезались непосредственно в рубку, могли запросто снести башку мне или северянину.

Я мог бы уменьшить опасность, установив над окнами бронированные козырьки. Одна проблема – с ними мы уподоблялись лошади с зашоренными глазами и лишались возможности следить за небом. В бою с летучим кораблем хороший обзор был куда важнее, чем лишняя броня над головой. Так что на самом деле эта дополнительная защита давала бы преимущество не нам, а противнику.

«Галоша» прошла над бронекатом так низко, что закрепленные у нее под днищем охотники могли бы задеть нам мачту, не обломай мы ее о мост Эль-Фердан. Теперь к сломанной мачте и дыре в носовой палубе добавились раскуроченный настил и десяток вмятин. Причем количество последних грозило вскоре возрасти. Но я уже свыкся с тем, что в каждой новой передряге «Гольфстрим» получает новые шрамы. И надеялся, что он не затаит на меня зла и продолжит, как бывало и прежде, вывозить нас из беды. Зыбкие это были надежды, но клятва дона Балтазара стоила того, чтобы ввязаться в очередную драку.

Спустя несколько минут все оставалось без изменений. Мы носились зигзагами по карнизу, а Вседержители кружили над нами, оставляя с каждым заходом на истребителе парутройку новых вмятин. Однажды срикошетивший от обломка мачты снаряд ударил рядом с окном рубки и вынудил Сандаварга отпрыгнуть назад. Что его все равно не спасло бы, угоди болванка немного выше. Какой бы молниеносной ни была реакция Убби, ему не уклониться от летящего к нему на сверхзвуковой скорости куска иностали.

Наши бортстрелки находились в неусыпной готовности дать залп, но нам так и не представился случай опробовать «Сембрадор» на воздушной цели. Противники будто знали, на какую максимальную высоту мы можем выстрелить, и удерживали «галошу» выше этого уровня. Обстреливать же ее из «Эстант» было бесполезно. Одного взгляда на ее броню и вражеские скафандры хватало, чтобы понять: наши легкие орудия их не пробьют. Да и рискованно было торчать на открытой палубе, пока на нее сыпался иностальной град. Пусть и редкий, зато крупный, а каждая градина в нем падала со скоростью метеорита.

– Загрызи вас пес! Ты это видел, Проныра? – осведомился Убби после того, как мы в очередной раз разминулись с летучим кораблем.

– Что именно? – отозвался я, озираясь.

– Да вон же, погляди!.. – Северянин указал пальцем на стрелков-Вседержителей. – Один из этих песьих детей только что поднялся на развалюху!

И правда, сейчас под ее брюхом болтался всего один стрелок. А второй в этот момент въезжал вместе с консолью на палубу через открывшийся в ней люк.

– Вероятно, решил перезарядить свою пушку, – предположил я. – Сам видел, какими крупными снарядами она стреляет! Таких с собой много не унесешь.

– Э, нет, тут дело в другом! – не согласился Сандаварг, не сводя взора с идущей на новый разворот «галоши». – Я видел, как их стрелки перезаряжают оружие. Они берут боеприпасы из висячих гирлянд, которые все время подтягивают к себе сверху. Так вот, у Вседержителя, что смылся наверх, эта гирлянда еще не опустела, точно тебе говорю! Однако он бросил своего приятеля прямо в разгар боя. Зачем, я тебя спрашиваю?

– Да мало ли… И зачем, по-твоему?

– Есть одна догадка. Помнишь, наш сопливый умник твердил что-то про эту… как ее… ну, такое дерьмо, что заставляет исчезать людей, одежду, дерево, жемчуг и прочее?

– Ты говоришь про дезинфекцию?

– Во-во, про нее самую! Сдается мне, тут дело такое: небесные люди засекли нужный ящик, обрадовались, но вот незадача: их пули от нас отскакивают! Железного пса тоже на нас не натравишь – издохло мерзкое отродье! Что им еще остается? Только спрыгнуть на нашу развалюху и заставить нас сгинуть, как тех табуитов? Вот один из Вседержителей и отправился наверх, чтобы поменять себе пушку, которая пуляет болванки, на ту, что растворяет людей в воздухе.

– Но почему Вседержители не воспользовались ею раньше? – Я не хотел верить дурным прогнозам северянина, но интуиция подсказывала мне, что он, как всегда, окажется прав.

– Наверное, потому, что эта штука стреляет или неточно, или недалеко, – рассудил Убби. – Как водяной насос или воздушный распылитель. Такой, из какого цель надо обливать или обдувать только с близкого расстояния.

– Ладно, я понял… И что ты предлагаешь?

– Как что?! – Глаза северянина возбужденно заблестели. – Конечно же, устроить гостям радостную встречу! Трое железных ублюдков против меня и двух моих железных братьев – славный расклад!

– Не вижу ничего славного! – усомнился я. – Если ты вдруг угодишь под распылитель, много ли навоюют без тебя брат Ярнклот и брат Ярнскид?

– Я наперед не загадываю, – отмахнулся Сандаварг, подбирая лежащие на полу кистень и щит. – Но когда я чую, что кто-то вот-вот напросится у меня на драку, будь уверен: он на нее напросится, даже если вдруг решит передумать!.. Кстати, глянь-ка: летучая развалюха повисла и не шевелится! Готов спорить: сейчас небесные люди прикидывают, как к нам нагрянуть – по одному или скопом!

Я оглянулся. И верно, вместо того чтобы снова атаковать, «галоша» зависла, будто бы провоцируя нас подъехать поближе и попробовать сбить ее «Сембрадором». Искушение было столь велико, что я без раздумий развернул истребитель на обратный курс. Но направил его к цели не прямиком, а по спирали, постепенно сужая круги и выходя на нужную дистанцию для залпа…

– Не майся дурью, Проныра! – угадав мои мысли, крикнул Убби. Он уже сошел на палубу и направлялся к накрытому тентом ДБВ с «Зигфрида». – Хозяева умнее своего пса и не дадут так просто швырять в них копьями! Бросай свои покатушки, лучше поищи поблизости дорожку поровнее. Ненавижу драться на развалюхах, когда те скачут по колдобинам.

Северянин приподнял край тента, но, прежде чем спрятаться под ним в засаде, попросил оказать ему одну услугу. Она была несложная, и я пообещал, что сделаю все, как надо.

Если, конечно, северянин не ошибся в прогнозах, и у Вседержителей нет другого плана нашего умерщвления…

Глава 6

Забросить абордажную команду с летучего корабля на более медлительный наземный – задача несложная. И как бы я ни петлял и ни разгонялся, пытаясь помешать противнику высадиться, он высадится к нам в любом случае. Поэтому я решил прекратить все финты и увертки, а вернул «Гольфстрим» на основной курс и помчался прямиком на юг. Что бы ни планировали Вседержители, отныне остатки Кавалькады их не интересуют, а значит, наше обещание дону Балтазару выполнено. Нам осталось довести дело до конца: выжить самим и уберечь команданте, чтобы он тоже смог сдержать свою клятву и оправдать нас перед Владычицей Льдов.

Противники не бросились на перехват, когда мы рванули от них прочь, но это не означало, что они утратили к нам интерес. Что толку суетиться, если «галоша» настигнет «Гольфстрим» за считаные секунды, даже оторвись мы от нее на километр. Впрочем, давать нам фору пришельцы тоже не стали. И пустились вдогонку, едва мы переехали через поваленный барьер.

– Летят! – предупредил я спрятавшегося на палубе под брезентом Убби. – Все как раньше: один гад наверху, двое внизу, под днищем!

– Вижу, не слепой! – отозвался северянин, который, судя по всему, и сам посматривал на небо в щелочку. – Ты бы лучше не орал почем зря, а пригнулся или, еще лучше, встал на четвереньки! А то нарвешься не ровен час на снаряд, и хана нам всем!

Предложение встать на четвереньки меня несколько покоробило. Но поскольку сам северянин тоже скрючился сейчас под станиной ДБВ в не слишком гордой позе, то я на него не обиделся. И безропотно опустился перед штурвалом на колени – так, чтобы не маячить в окнах и в то же время продолжать следить за дорогой и за врагами. А они тем временем выпустили в нас еще полдюжины снарядов, но не проскочили, как прежде, на бреющем полете мимо, а, сравняв с истребителем скорость, повисли над ним.

От непривычного и устрашающего зрелища у меня затряслись руки и застучали зубы. Даже когда по «Гольфстриму» колотили сверхзвуковые снаряды, это было не так жутко, как сейчас – когда у меня над головой маячила, покачиваясь, махина величиной с небольшой бронекат! Вихри, на которые она опиралась, выглядели такими тонкими, что невольно приходила на ум допотопная легенда о дамокловом мече. Только в ней тяжелый меч был подвешен на конский волос, а в нашем случае машина весом в десяток тонн опиралась лишь на воздушные потоки. Да и те были чересчур странными: не достигали земли, не поднимали пыли и вообще не походили на вихри, способные нести по воздуху столько иностали.

Я уже стоял на коленях, но от страха невольно пригнулся еще ниже. И очень даже кстати, потому что вертящиеся на консолях стрелки навели стволы своих пушек на рубку и выстрелили в нее четыре раза подряд…

Хорошо, что стрельба велась именно под таким углом и что пол рубки был сделан из более тонкого металла, чем мостик и палуба. В противном случае четыре снаряда срикошетили бы в стены и в потолок, от них – неизвестно куда, и разнесли бы тут все в хлам. А также размазали бы меня ровным, тонким слоем по всей рубке. Но болванки ударили в пол и, пробив его, застряли в нем так же, как в борту строймастера.

Про встряску, что при этом разразилась на мостике, и говорить нечего. И прежде каждое попадание снаряда в «Гольфстрим» отдавалось у меня в голове пудовым молотом. Когда же сразу четыре таких хреновины прошибли пол рядом со мной, у меня от их ударов, кажется, едва не повыскакивали из десен зубы, а мозги чуть было не проломили изнутри черепную коробку. Вдобавок трясущийся пол отшиб мне обе коленки, что, правда, в тот момент я почти не почувствовал.

Ошарашенный, дрожащий, еле-еле дышащий от страха и не верящий, что до сих пор жив, сейчас я меньше всего хотел высовываться из окна и смотреть на палубу. Однако я еще помнил, что мы готовились к абордажу и что перед этим я кое-что пообещал Сандаваргу. Вот только смогу ли я сдвинуться с места и отдать механикам нужную команду – большой вопрос…

Впрочем, не все сразу. Первым делом надо встать и оценить обстановку. Не поднимаясь с колен, я лишь разогнул спину и, выглянув из-за штурвала, окинул беглым взглядом палубу и нависшую над ней «галошу».

И вовремя! Подъемники летучего корабля опустились ниже уровня наших бортов, а оба стрелка, отцепившись от консолей, готовились сойти на «Гольфстрим». В руке одного из них находилось непонятное цилиндрическое устройство величиной с трехлитровую кастрюлю. Оно и коснулось палубы первым. Вседержитель сбросил его на нос истребителя, поверх иностального листа, из которого мы соорудили временную заплатку на пробоине от контейнера.

Едва цилиндр брякнулся на иносталь, как из него вырвался тонкий ярко-синий луч. Он тут же несколько раз быстро обернулся вокруг своего источника, пройдясь по бортам, по раскуроченному палубному настилу, по обломку мачты, по контейнеру, по накрытому брезентом ДБВ, по мостику, по рубке, по поднятому трапу, по входам на орудийную палубу и в моторный отсек, возможно, даже по мне…

Проще сказать, по чему луч не пробежался: по кормовой площадке, но лишь потому, что ее заслонял мостик. Однако не успел я озадачиться вопросом, что все это значит, как цилиндр прекратил стрелять лучом и переключился в другой режим: выпустил из себя синее световое кольцо. Которое, что характерно, было уже не привязано к источнику, а стало разрастаться от него вширь подобно тому, как расходятся круги на воде, только гораздо медленнее.

Меня смутило, что Вседержители стояли на консолях в метре от палубы и отказывались сходить на нее. Меня смутил их сверкающий прибор, больше похожий на игрушку, чем на оружие. Я замешкался, не понимая смысл этого странного «абордажа». И лишь когда радиус светового круга увеличился до полутора метров, а его края дотянулись до обоих бортов и поползли по ним вверх, до меня наконец-то дошло, что творится на «Гольфстриме».

Дезинфекция!

Лучшим доказательством моей правоты было исчезновение дощатого настила внутри лучевого круга. Что именно происходило с досками, неизвестно, но они – как целые, так и расщепленные, – исчезали бесследно. После прохождения по ним луча в круге оставались лишь заклепки, какими настил крепился к палубе, и иностальные плиты, на которы он лежал.

Разумеется, я не был намерен топтаться на месте и смотреть, как светящаяся инопланетная зараза пожирает мой бронекат! Да и Убби пора было выходить из засады, раз уж ему не терпелось сойтись в бою со Вседержителями.

– Держи-и-ись!!! – проорал я так, чтобы меня расслышали на всех палубах, после чего отдал приказ механикам: – Стоп колеса!..

Внезапная для захватчиков остановка и была той услугой, о какой попросил меня северянин. Сандаварг не упускал случая погеройствовать, но вконец безрассудным он тоже не был. И осознавал, что биться со Вседержителями по благородным правилам – глупейшая затея. Тем более что они вообще не имеют понятия о земном благородстве. Вот почему Убби и решил, что будет не зазорно сначала сбить, если получится, таких противников с ног. Ну а если не получится, там будет видно – сам ведь признавался мне, что он наперед не загадывает.

Приказав остановить бронекат, я не стал отсиживаться в рубке, а выскочил на мостик и бросился к ближайшей «Эстанте». Но не с целью снискать себе славу или покарать захват-

чиков. Мой порыв героизма был вызван желанием разрушить адскую штуку, что уничтожила все дерево на носовой палубе и грозилась с минуты на минуту уничтожить нас. Причем не только с костями и потрохами, но также с одеждой и обувью.

– Берегись синего света! – кричал я Сандаваргу в надежде, что он меня расслышит и не допустит фатальной оплошности. – Берегись синего света! Это – смерть! Синий свет – смерть! Берегись синего света!..

Резкое торможение застало меня на полпути к баллестираде. Но я был готов к рывку, поэтому успел расставить пошире ноги и схватиться за поручень мостика. Убби тоже не стал раньше времени выскакивать из укрытия, только откинул брезентовый полог и подобрал оружие. А вот охотники нашу уловку не раскусили. И пропустили этот досадный удар исподтишка.

Вседержители при всем старании не успели бы среагировать на наш маневр. Скорость истребителя понизилась слишком быстро, отчего «галоша» резко вырвалась вперед, и консоли с абордажной командой зацепились за наш передний борт. Готовясь сойти на продезинфицированный участок палубы, захватчики уже отсоединили скафандры от страховочных зажимов. Вдобавок при виде меня противник тут же принялся ловить движущуюся цель на мушку, в то время как ему следовало бы вместо этого беспокоиться о собственном равновесии.

Судя по грохоту, какой издали выпавшие из консолей громилы, каждый из них весил вместе со скафандром не меньше тонны. Загремели они, правда, на уже обработанное дезинфектором пространство, в чем им, можно сказать, повезло. Излучатель откатился при торможении вперед ненамного, и Вседержителей по-прежнему отделяла от нас движущаяся полоса света. Перепрыгнуть ее для Сандаварга вроде бы не составляло труда. Но легкость эта была обманчива и таила в себе смертельную угрозу. Мы не знали о том, что произойдет с нами внутри светового круга, и проверять это на собственной шкуре было не самой лучшей идеей.

– Стой! – прокричал я Убби, как только он выскочил из засады и ринулся на врага. Сам я в этот момент разворачивал «Эстанту» на носовую палубу. – Погоди, я попробую это остановить!

– Давай быстрее, Проныра! – отозвался северянин. – Шевелись, загрызи тебя пес! Время дорого!

«Эстанта» отличалась от простых баллестирад тем, что на ее ложе крепился не один, а сразу три лука. Стреляя один за другим и автоматически перезаряжаясь, они могли выпускать по цели длинную очередь болтов, покуда на зарядном лотке хватало боеприпасов. Все, что мне нужно было сейчас сделать, это прицелиться и нажать на спусковой рычаг.

На иностальные болты дезинфекция не действовала, и они пронеслись над световой полосой как ни в чем не бывало. Вывести излучатель из строя, не рискуя при этом самим, мы могли лишь таким способом. Я представлял себе, сколько весит эта хреновина – примерно полцентнера, – по расстоянию, на какое она сместилась при торможении. Ее прочность также предстояло определить опытным путем. А заодно проверить на прочность скафандры Вседержителей, чтобы северянин понял, насколько хорошо защищены враги.

Метровые болты «Эстанты», что пробивали чешую змеев-колоссов, не сотворили чуда и не продырявили пришельцев. Но все же не дали им подняться на ноги и выстрелить по нам в ответ. Выпустив в каждого из гигантов по три снаряда, я переключился на дезинфектор, которого ожидала более сильная взбучка.

Стараясь метить в его светящиеся синие «глаза», я с пятого попадания повалил цилиндр набок, отчего световое кольцо вокруг него вмиг превратилось в узкий овал. Который – вот зараза! – все равно продолжал разрастаться и пожирать палубный настил! Сандаваргу даже пришлось отпрыгнул назад, поскольку один из концов овала оказался всего в

шаге от его ног. Северянин разразился бранью, непонятно только кому адресованной: мне, криворукому стрелку, или врагам, до которых он не мог дотянуться. Я же, не обращая внимания на его проклятья, продолжил обстрел дезинфектора, благо болтов на зарядном лотке лежало еще предостаточно.

Если бы все происходящее на «Гольфстриме» не было так опасно, моя битва со сверкающим бочонком выглядела бы забавной. Упавший набок цилиндр стал перекатываться туда-сюда при каждом попадании в него. Световой овал вращался вместе с ним, будто фосфоресцирующая стрелка огромного компаса. Угостив Вседержителей новой парой снарядов – угодив впросак, они не оставляли попыток подняться, – я истратил еще дюжину болтов на свою «игрушку», пока в конце концов не подогнал ее к ногам одного из гигантов. Она как раз повернулась ко мне дном, куда я, прицелившись получше, и пустил очередной болт…

…И не прогадал! Вот где крылась ахиллесова пята дезинфектора! Болт пробил насквозь днище цилиндра и вошел в него наполовину. Раздался громкий хлопок, и испускаемый прибором свет погас. А вслед за хлопком прогремел куда более грозный звук – боевой клич ринувшегося, наконец, в бой северянина:

– Хэйл, Эйнар, Бьорн и Родериг! Хэйл, Убби Сандаварг! Стой, где стоишь! Мое слово!..

Справедливее, конечно, было бы прокричать врагу: «Лежи, где лежишь!», но Убби не обращал внимания на такие мелочи. Коршуном налетев на Вседержителей, Сандаварг решил первым делом их обезоружить. Швырнув брата Ярнскида на грудь одного из них, северянин вскочил поверх выпуклого щита, края которого придавили руки противника к палубе. А пока тот не дал отпор, нахальный землянин крутанул кистень и точным ударом вышиб пушку из рук лежащего рядом второго гиганта.

Для того чтобы удержать Вседержителя, запрыгнув ему на грудь, требовался не один, а как минимум полдюжины северян. Наш товарищ прекрасно это понимал. И не стал дожидаться, когда враг сбросит его с себя, а сделал дело и сам удрал с ненадежной позиции. Правда, на сей раз брату Ярнклоту пришлось крутануться в воздухе аж трижды – видимо, слишком крепко этот гигант вцепился в свою пушку.

Едва Убби соскочил на палубу, как ему вслед полетел и брат Ярнскид, которого Вседержитель сбросил с себя небрежным движением одной руки. Увернувшись от собственного щита, Сандаварг смог оценить физическую силу противника и сделал нужные выводы… По крайней мере хотелось думать, что сделал, ведь сокрушить таких врагов одним нахрапом у северянина вряд ли получится.

Дабы пришельцы не дотянулись до выбитых у них из рук пушек, Убби пришлось поспешно подобрать их и оттащить на середину палубы. Там о них предстояло позаботиться мне, поскольку я все равно остался не у дел: бронекат стоял на месте, а прикрывать Сандаварга из «Эстанты» было рискованно – он ни секунды не стоял на месте.

– Быстро тащи эту дрянь на мостик! – наказал Убби, швыряя мне к ногам оба трофея. – И не вмешивайся, пока я сам об этом не попрошу! Вакт был твой, но эти двое – мои!..

И, раскручивая на бегу кистень, рванул обратно на носовую палубу.

Захватчики, воспользовавшись этой короткой паузой, уже вставали на ноги и при своем немалом весе делали это довольно бодро. Как бы яростно ни рычал коротышка-северянин, на фоне их громадных фигур он все равно смотрелся сумасшедшим сказочным рыцарем, который бросался с копьем на ветряные мельницы.

– Двое-то твои, а что прикажешь делать с третьим? – обратился я в пустоту, поскольку Убби меня уже не слышал. А летучий корабль тем временем пролетел вперед, описал над карнизом круг и вновь возвращался к нам на малой скорости. Видел пилот или нет идущую на палубе битву, вряд ли он оставит товарищей без поддержки. И если сам не спустится к ним, то сбросит им сверху новое оружие взамен утраченного. Так что придется, хочешь не

хочешь, заняться этим вопросом, так как я тоже не намеревался оставлять без прикрытия Убби.

Каждая пушка Вседержителей весила не меньше двадцати килограммов. При ближайшем рассмотрении она не походила ни на одно из известных мне орудий – ни современных, ни тех, какие я видел на древних картинках. Вместо ствола у такой пушки имелось по три направляющих полуметровых штыря, закрепленных параллельно и расположенных на равном расстоянии друг от друга. Метательное устройство, пускавшее по этим направляющим снаряды, было скрыто внутри корпуса, похожего на сундучок с выпуклой крышкой.

Система подачи боеприпасов здесь выглядела не слишком практично. Это была короткая, всего на несколько ячеек, кольцевая лента. Она выдвигалась из отверстия в правом боку ствольной коробки, затем протягивалась по ее полукруглому верху и исчезала в таком же отверстии с левой стороны. Снаряды вставлялись в ленту стрелком вручную, когда она проходила по крышке корпуса. Зарядить их можно было не больше семи штук зараз.

Прикладов и прицельных приспособлений на пушках не было. Но меня больше удивило также отсутствие каких-либо спусковых приспособлений. Вседержители удерживали орудия на сгибе руки за толстую, словно кирпич, рукоять и пуляли в нас болванками из такого положения. Вот только каким образом это делалось?

Отбросив пушку, где было меньше зарядов, я опер вторую на перила мостика и попробовал разобраться, на что надо нажимать, чтобы она выстрелила. Парадоксально, что мне вообще приходится искать эту деталь. Для ручищ пришельцев спусковой крючок или кнопка должны обладать соответствующими размерами. И тем не менее я в упор не замечал ничего даже близко похожего. А летучий корабль в этот момент приближался, и реши я свою загадку, мог бы стрелять по нему практически не целясь…

Убби тоже был занят сейчас исследовательской работой, разве только вел ее в большой суете.

Граница исчезнувшего настила указывала, докуда распространилась дезинфицированная зона – примерно до середины палубы. Однако после того, как там вновь объявилась «органика» – северянин, – эту территорию уже нельзя было назвать стерильной. Что, наверное, крайне обеспокоило захватчиков. Но поскольку источник заразы был всего один, они не стали шарахаться от него, а решили извести его, так сказать, хирургическим путем. Чему Убби был только рад, ведь он давно мечтал подраться врукопашную со Вседержителями!

Можно было даже не глядеть на носовую палубу – все было понятно по доносящимся оттуда звукам: тяжелому топоту и грохоту ударов брата Ярнклота. Если первый стихал, а второй нарастал, значит, Сандаварг переходил в наступление. Если же наоборот, значит, Вседержители теснили землянина, заставляя его бегать и маневрировать. На стороне Убби играли скорость и проворство. На стороне его врагов – немалый вес и прочные скафандры, которые он пытался усердно проломить.

Некоторое время мы с Сандаваргом занимались бестолковой работой. Я, глядя на «галошу», ощупывал на пушке выемки и выступы, тщась произвести выстрел. Сандаварг дважды забегал каждому из гигантов за спину и вскакивал им на плечи, пытаясь содрать с них шлемы. И всякий раз был вынужден отступать, поскольку второй противник приходил на выручку первому и сгонял шустрого аборигена у того с закорок. Удары кистенем лишь мешали врагу сосредоточиться, но вреда ему практически не наносили. Брат Ярнклот молотил по скафандрам, оставляя на них вмятины, и будь на месте Вседержителей люди, они наверняка испытывали бы боль и шок. Что испытывали пришельцы, мы могли только предполагать, но это никак не влияло на их боеспособность.

Пилот «галоши» оставил пульт управления и расхаживал по палубе. Я видел лишь его голову, маячившую туда-сюда над бортом. Но и этого хватало, чтобы понять: третий охотник

затевает недоброе. Что именно, неизвестно, но помешать ему я мог одним-единственным способом. И мне, похоже, было не обойтись без подсказки.

Я отложил трофейную головоломку и, заскочив в рубку, прокричал в раструб коммуникатора:

– Мсье Сенатор! Срочно ко мне! И прихватите с собой молоток и монтировку!..

Когда опасность кусала нас за пятки, толстяк Гуго начинал спешить, как мог. Эхо моего приказа еще звенело в переговорной трубе, а механик уже пыхтел, взбираясь по лестнице с инструментами в руке. Очутившись на верхней палубе, де Бодье вытаращился на зависшую над нами махину, растерялся и задрожал. Брань северянина, громыхание кистеня и топот врагов тоже не прибавили Сенатору уверенности. Но он все же взял себя в руки и добрался до мостика без лишних окриков и понуканий.

Открывшаяся Гуго с мостика картина была еще ужаснее. Он был готов впасть в ступор, но я встряхнул его за плечо и, положив перед ним на перила трофейную пушку, кратко объяснил суть проблемы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.